

Игорь Мосин

В поисках счастья

Игорь Мосин

В поисках счастья

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63831126

ISBN 9785449063762

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Начало этой книги мне приснилось во сне. Написав первые главы, я и не предполагал, что герои начнут жить своей жизнью, увлекая меня в поиски потерянного в годы гражданской войны клада, в поиски смысла их жизни, что, в конечном итоге, позволит каждому найти свое счастье. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Часть первая	6
Глава первая	7
Глава вторая	26
Глава третья	42
Глава четвертая	61
Глава пятая	92
Глава шестая	112
Конец ознакомительного фрагмента.	128

В поисках счастья

Игорь Мосин

© Игорь Мосин, 2021

ISBN 978-5-4490-6376-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

БЛАГОДАРНОСТИ

Я глубоко признателен:

моей супруге Светлане,

Ольге Александровне Шейкиной,

Виктории Игоревне Скидан,

Игорю Юрьевичу Гуревичу,

Ирине Леонидовне Еремеевой

за помощь, предоставление материала и консультации
во время написания этой книги.

С уважением, Игорь Мосин

Часть первая

С гулким эхом, подрубленные звонкими ударами топоров, валились на заснеженную землю мёрзлые стволы вековых сосен. Всё дальше от амурского утёса продвигались в тайгу солдаты тринадцатого линейного батальона, внезапно очутившись перед заброшенным жилищем. Пустыми глазницами окон смотрела на три высоких деревянных столба покосившаяся избушка старого шамана Нэликэ. Оторопь взяла служивых: незваными гостями почувствовали себя на чужой территории, нутром ощутив опасность, но... служба! Перекрестившись, взяли за отполированные мозолистыми ладонями топорница, нацелились под основание почерневших от времени, украшенных причудливым нанайским орнаментом древних исполинов, замахнулись, ударив раз, второй. Заскрипело вокруг, заухало, застонало, словно души предков, живших раньше здесь гольдов, вышли на защиту священного места. Взметнулись вороны над верхушками елей, качнулся центральный столб, подломившись раненым телом, повалившись прямиком на рядового Силу Горшкова, придавив дюжего мужика тяжестью хранимых в себе шаманских камланий...

Глава первая

1

В ту ночь ему приснилась мать.

После своего ухода (он никогда не говорил – смерти), мать снилась редко. Обычно в снах молча манила рукой, предлагая сыну зайти в обшарпанную дверь ненавистного подъезда. Он пугался, полагая, будто она зовёт к себе – *туда*, неуверенно переступал порог, поглощаемый тишиной и сырým запахом давящих с четырёх сторон серых, непреодолимой высоты, стен. Цепеня от липкого страха, сопротивляясь изо всех сил, резко просыпался от бешеных ударов «выскакивающего» из груди сердца. Лишь через несколько лет понял – мать никуда не зовёт. Она пытается помочь найти выход из тупика, показать некое направление, путь, на который ему надо вернуться. Тогда чувство тревоги сменилось на запоздалое чувство раскаяния: не так вёл себя с матерью в последние годы, проявлял мало внимания и заботы, порою становясь раздражительным и от этого непростительно грубым. Тогда-то и пришло осознание – её появление предвещает перемены в его жизни.

В этот раз мать никуда не звала. Сидя на стуле, положив на колени натруженные руки, она печально смотрела не него,

лежащего в детской кроватке. Такой большой, серьёзный человек – и в детской кроватке... как я в ней поместился? – рассуждал во сне, а мать вытирала ему слёзы, ласково называя Коленькой и соней.

– Коля, просыпайся, вставай, соня! – пальцы нежно скользили по щеке. От прикосновений жены встрепенулся и, застыдившись слёз, резко отвернулся к стене. Однако слёз не было, только нехорошая тоска вошла в душу.

– Ну, что мы лежим? Проспишь своё счастье, и на работу опоздаешь.

– Сейчас, Наташа, сейчас, – посмотрел на жену не покинувшим его грустным взглядом матери.

– Ты не заболел?

– С чего такие выводы?

– Глаза у тебя... какие-то перевёрнутые.

Пожав плечами, вяло проследовал в душ.

Более года Николай Сергеевич Камаргин исполнял обязанности начальника Департамента культурной политики. Проработав в отрасли двадцать пять лет, считая себя профессионалом, знающим все «плюсы» и «минусы», Камаргин решил объединить профильные учреждения единым планом, целью и задачей. Некоторые руководители, проникшись идеей, поддержали, выказав возросшее уважение. Другие, напротив, стали смотреть как на «выскочку». В мэрии решили ситуацию уравновесить – полгода назад поставили

начальника со стороны, оставив Камаргина на должности первого зама.

Отношения не сложились сразу: начальник, как передавали «доброжелатели», видел в нём претендента на своё место: больно умный, подсидеть хочет! Камаргин шефа отверг изначально: не профессионал, из другой сферы, недалёковиден, и т. д. Работал Николай Сергеевич всегда много и с желанием, но последние месяцы выдались на редкость тяжёлыми. На согласных он пока не мог опереться (зачастую им же назначенные, они были новички в «новой вере»), поэтому многое приходилось делать и решать самому, лавируя между инертностью, а зачастую, открытым саботажем несогласных и недоверием руководителя. Всё это выматывало и, в конце концов, привело в состояние депрессии.

Стоя под струями прохладной воды, постарался в деталях вспомнить сегодняшний сон: он лежит в детской кроватке, мать смотрит грустными глазами и молчит. Никуда не зовёт, просто молчит... что она хотела сказать? Что не досказала при жизни, чего я не дослушал? И слёзы... Господи! Я лет тридцать не плакал, – он выключил воду, – чего я не услышал?

– Что? Что ты не услышал?

Дожил, сам с собой вслух разговариваю не замечая! Нервы действительно расшатались...

– Я говорю – поторопись! Опоздаешь на работу – шеф

этого не любит.

Шеф! Какой он к чёрту шеф?! Музейная редкость! Что он вообще без меня может? Завёл порядок: приходит всем на полчаса раньше и уходит на два позже! Ты хоть ночуй на работе, а если свой труд организовать не можешь, значит, и других не организуешь!

– Не опоздаю!

Вытирая голову, вновь перед мысленным взором увидел мать. Резко опустив полотенце, «наткнулся» в зеркальном отражении своих глаз на её ласковый взгляд с неммым вопросом «почему» и невольно улыбнулся.

Ему тогда исполнилось десять лет...

* * *

К первому юбилею родители подарили полувзрослый «Салют».

– Держи, – важно сказал отец, отпуская хромированный руль. – С сегодняшнего дня вступаешь во взрослую жизнь. Игрушки закончились. Получи в подарок «железного коня»!

Велосипед тёмно-синего цвета, с кожаным сиденьем, сумочкой для инструментов с блестящей застёжкой – мечта любого мальчишки. Коля не верил своим глазам. Как? Это ему? И можно прокатиться?

– Конечно! Катайся, сколько хочешь, но помни – теперь

ты в ответе не только за себя, но и...

– За велосипед?

– За пешеходов. Катайся аккуратно! Не забывай: вокруг ходят дети и старушки, – он приобнял, нежно поцеловав мать, – примерно, такие, – она отмахнулась, притворно обидевшись, – красивые, молодые старушки.

Весь день Коля не покидал седла, представляя себя ковбоем на диком мустанге. Ребята со двора просились за руль и «юбиляр» милостиво разрешал: по одному разу вокруг песочницы – сам не накатался, они рулят плохо, и, главное, теперь он и только он в ответе за велосипед и за всех пешеходов! Вечером, когда мать в третий раз позвала через окно ужинать, подошёл Бондик – двенадцатилетний оболтус, получивший прозвище из-за фильма о Джеймсе Бонде (посмотрел в Москве, куда ездил с родителями на каникулы). Азартно перевирая сюжет о знаменитом шпионе, он так воодушевлённо брызгал слюной, что Пашка Нагибин прозвал его Фонтан, вызвав гнев и ярость будущего Бондика, посчитавшего прозвище до боли обидным. Долго гонялся он за Пашкой, крича на весь двор: «Нагиба, ты покойник!» На следующий день, при очередном рассказе о шпионских приключениях, Бондик заврался окончательно: «...прикинь, Бонд прыгает с парашютом, а на земле его ждут пятнадцать агентов, но тут мы им как дали!» Ребята долго смеялись: теперь понятно, кто помогает легендарному ноль-ноль-семь – агент два нуля-шесть! Это прозвище Бондик по-

считал не только обидным – оскорбительным, решив показать свою силу и превосходство, благо был старше многих на два – три года. Но Сашка Коровкин, здоровяк из первого подъезда, флегматично сказал:

– Будешь Бондик.

– Ты кого так назвал?!

– Тебя. Он Джеймс Бонд? А ты – его маленький помощник, значит, будешь Джеймс Бондик.

Так Витька Михеев стал Бондиком.

– Привет, Камарга! – обветренная, покрытая цыпками ладонь, по-хозяйски легла на руль, – твой?

– Мой, – нерешительная попытка освободить блестящую поверхность от наглой хватки не удалась.

– Дай прокачусь, – не дожидаясь ответа, дёрнул велосипед, на ходу вскочив в седло, и только пятки засверкали на крутящихся педалях.

– Коля, домой!

– Сейчас! – чуть не плача крикнул в сторону удаляющегося подарка.

Вернуться домой без велосипеда невозможно. Он надеялся, Бондик сделает круг, ну, два и приедет. Но прошло десять, потом двадцать минут, стемнело, двор опустел, а Бондик не возвращался. Тогда Коля сел на ступеньки подъезда и заплакал.

– Коля, до... – мать осеклась на полуслове, – что случи-

лось?!

Родители спешно вышли на улицу.

– И как это понимать? Где велосипед, сын?

За всю жизнь отец всего несколько раз обращался к нему: «сын». Коля знал – это не к добру.

– Бондик уехал.

– Какой Бондик? Куда уехал? Кто разрешил?

– Я не разрешал, я не хотел давать, он сам взял, – обида слезами клокотала в горле: Бондик – гад здоровый, угнал велосипед; отец ругается, вместо того, чтобы пожалеть.

– Если ты не разрешал брать свою вещь, значит, её взяли без спроса, а если у человека можно забрать без спроса то, за что он отвечает, как ему можно доверять?

– Подожди, Серёжа, не ругайся, может парень просто взял покататься.

– А я и не говорю, что сложно! Парень взял без спросу, а наш сын поступил безответственно! А вдруг что случится?

– С велосипедом?

– При чём здесь велосипед?!

Размахивая руками над головой, во двор въехал Бондик. В сгустившихся сумерках было заметно, как наглая ухмылка сменилась настороженным испугом на скуластом лице.

– Отличный велик, Колян! Спасибо, что разрешил прокатиться.

Как хотелось отвесить пинок по тощему заду, плюнуть в наглую, с бегающими глазками, физиономию! Но сейчас

это было невозможно. Что скажет отец: при нас осмелел, а сам? Молча дёрнул руль на себя.

– Ты его без спросу взял!

– Да ты забыл! Я спросил: дай прокачусь, ты и согласился!

Приблизившись, отец тихо спросил:

– Хочешь ещё прокатиться?

– Н-нн... нет, спасибо. Поздно, мне домой пора.

– Тогда больше и не проси.

Дома, закрывшись на кухне, родители спорили громким шёпотом:

– Серёжа, так нельзя!

– А как можно? У него нет характера, не может за себя постоять!

– Ты видел, этот Бондик здоровый оболтус. Как он может с ним совладать?

– Разве дело в этом? – отец махнул рукой.

Мать вышла из кухни, тихо прикрыв дверь, подошла к сыну, посмотрев грустным взглядом, в котором Коля прочёл немой вопрос: Почему?

– Следующий раз, сынок, будь смелее.

Больше на эту тему не говорили.

Через три дня, на очередную «просьбу» прокатиться, Бондик получил решительный отказ. Вцепившись в руль, ноль-ноль-шесть рванул велосипед на себя: – Ты чё, Камарга, тот раз не понял? Я же по-хорошему прошу, могу и по-плохо-

му, – подставив подножку, с силой толкнул Колю свободной рукой. – Пацаны, кто хочет прокатиться, за мной будете.

Ребята стояли в напряжении. Бондика не любили, и хотя все понимали – вместе наверняка одолеют переростка, смелости вступить за Колю ни у кого не хватило. Лишь малолетняя Наташка, сестра Сашки Коровкина, бесстрашно заявила:

– Такой здоровый, а с младшими дерёшься!

– Ты кто такая? – вскочив в седло, набирая скорость, Бондик сделал «круг почёта» вокруг притихших ребят. – Молчи, пока подзатыльник не получила, мелочь пузатая!

– А ты попробуй! Сашка из тебя...

Она не успела договорить. Сидя на земле, Коля фокусировал происходящее сквозь выступившие слёзы. Под рукой оказалась длинная толстая щепка от половой рейки. Решение пришло молниеносно. Впоследствии он не мог объяснить: как вначале случилось действие, затем «сверкнула» мысль, и лишь после пришло решение. Но точно знал – все действия были осознанны и целенаправленны: рука сделала резкий выпад вперёд и щепка, словно рыцарское копьё, воткнулась в спицы переднего колеса. Дёрнувшись, велосипед резко остановился, взбрыкнул, словно строптивый конь, выбросив чуждого седока из седла. Совершив подобие кувырка, тот шлёпнулся на землю.

– Ну, всё, Камарга! Ты покойник! – не осознав всю глубину своего падения, приподнимаясь на оцарапанных ла-

донях, заорал Бондик, отплёвываясь песком. В это время вздыбленный велосипед, сделав по инерции поворот на переднем колесе, с размаху опустил свою заднюю часть на ту же часть Витьки Михеева, вторично заземлив малолетнего хулигана. – Ой! – простонал Бондик, уткнувшись носом в кошачьи экскременты... и заплакал.

Ребята рассмеялись, а Наташка сказала:

– Здорово ты его проучил. Только велик жалко!

Взглянув на колесо, Коля понял – дома скандала не избежать.

Отец не ругался. Внимательно посмотрев на сына, спокойно сказал:

– Рановато мы тебе доверили серьёзную технику, рановато. Да делать нечего, пошли чинить.

* * *

...Да, впервые мама *так* посмотрела на меня именно тогда – с каким-то сожалением, грустью и вопросом. Почему сейчас я так отчётливо это вспомнил? Чего испугался, перед чем спасовал?

Внутренне собравшись, заставил себя улыбнуться, выйдя из ванны энергичным шагом.

– Завтрак на столе.

– Спасибо, я только кофе.

– Ну вот, стараешься, стараешься, встаёшь ни свет, ни за-

ря – и на тебе!

– Не сердись, просто нет аппетита.

– С тобой всё нормально? – влажные губы коснулись лба.

Вечно она со мной, как с ребёнком! – инстинктивно дёрнулся, желая увернуться от «медицинского» поцелуя, да вовремя остановился – обидится.

– Температуры, вроде, нет. Сегодня, кстати, обещали похолодание.

– Кто тебе всё обещает, с кем ты говоришь?

– Кто, кто – телевизор! Тебя сутками дома не бывает, вот я с ним и общаюсь.

Кофе взбудрил. Поблагодарив, вышел в прихожую. Как надоела эта зима – полгода снег! С детства терпеть не мог зимней одежды: рукава пиджака задирались, перекручиваясь в купленной «на вырост» шубе, шарф душил, шапка давила на уши – рыцарь в доспехах! Поморщившись от воспоминаний, надел пальто.

– Может, отгул возьмёшь?

– Не беспокойся, всё нормально, – приобняв жену, почувствовал неприятный холод отчуждения: «Что-то странное со мной... что-то не так».

Мятый уголок простого конверта тянулся к рукам из почтового ящика. Ни марки, ни почтовых штемпелей. Странно. «Камаргину Н. С.». Интересно, от кого? Зажав портфель под мышкой, хотел надорвать, остановленный окликом жены:

– Коля, телефон забыл!

Сунув письмо за пазуху вернулся.

– Зайди, через порог – плохая примета.

– Возвращаться – тоже плохая примета, – войдя в квартиру, посмотрелся в зеркало: – Здравствуй, Коля! – и, чмокнув жену на прощанье, быстро спустился по лестнице, дежурной улыбкой поприветствовав консьержку.

2

– Доброе утро, Николай Сергеевич! В Департамент?

– Куда ещё? Пока там работаем.

– Ну, вы скажете – пока! Или что произошло? – шофёр вопросительно посмотрел на извлечённый конверт.

– Вася, в нашей конторе полгода царит «эпоха застоя»! Но ты вправе гордиться – находясь за рулём, являешься одним из немногих, кто остаётся в движении, поэтому, от греха подальше, смотри на дорогу! Насчёт этого – сейчас узнаем.

– Так я это, Николай Сергеевич, я всегда смотрю, – он вновь скосил взгляд на письмо, – одним глазом на дорогу, другим – на обстоятельства.

Счастливый человек – ни хлопот, ни забот: за машиной следи, правила соблюдай – предел ответственности. А тут! Мало дел, так приходится с идиотом бороться, доказывать, что ты не верблюд... И за какие грехи мне эти казни египетские?

«Какая боль, какая боль! Аргентина – Ямайка: пять –

ноль!» – тишину салона нарушил настроенный на номер начальника сигнал сотового. Точно, день не задался с утра! Верно баба Катя говорила: только чёрта помяни – он тут как тут!

– Доброе утро, Валерий Иванович!

– Здравствуйте, Николай Сергеевич, вы уже на работе?

Началось! Проверяет время моего прихода и ухода?

– Еду.

– Замечательно.

Я еду на работу к положенному часу и – замечательно?

Что-то новое.

– Не понял?

– Вечером сообщили: в девять утра срочное совещание у мэра – День города на носу. А я некстати приболел. Не сочтите за труд – сразу в администрацию отправляйтесь.

– Хорошо. А что с вами?

– Вроде ничего серьёзного: давление слегка подскочило.

Надеюсь, после обеда увидимся.

Что сказать: не торопитесь, Валерий Иванович, лечитесь до полного выздоровления, мы без вас лучше управимся?

– Да, да, конечно, выздоравливайте, – на фоне коротких гудков скорректировал водителя, произвольно вернув конверт во внутренний карман пиджака, – в мэрию.

Город набирал утренние обороты. Потоки машин медленно ползли по недостаточно широким улицам, образуя заторы в направлении центра. Видя нетерпение начальника, Ва-

силий предложил:

– Так, эоть, Николай Сергеевич, можно, если вы не против, по дворам рвануть!

– Рвани, Шумахер, а то, правда, опоздаем.

Василий появился в его жизни месяца три-четыре назад, после того как предыдущий шофёр – степенный, немногословный Кузьмич, вышел на пенсию. Вроде новый водитель всем был хорош: машину содержал в чистоте, сам был аккуратен и вежлив, зачастую проявляя своеобразную заботу о начальнике: то напоминая о своевременном приёме пищи, то о необходимости застегнуть пальто, прежде чем покинуть машину в морозные дни. Одна беда была у Василия – болтлив до невозможности. И ладно бы – болтлив, свою болтовню он умудрялся переводить в философские рассуждения по поводу и без. «Недуг» этот обрушился на шофера внезапно: несколько лет назад Васю бросила жена. Так, просто. «Надоел» – сказала и ушла, тихо затворив за собой дверь. Со щелчком дверного замка вселилось в Васю женоненавистничество. Возможно, от желания отвлечься от тягостных мыслей, возможно, от перенесённого нервного шока, но с тех пор рот его закрывался, что называется, только во время еды, для тщательного пережёвывания пищи. Темы для разговора находил «на раз» – что видел, о том и говорил, как нанаец, плывущий по реке в выдолбленной из тополя плоскодонке: что видит, о том и поёт. Камаргин вначале раз-

дражался, злился, одёргивая шофёра, но тот, пожав плечами, замолкал, самое большее, на пару минут, неминуемо находя новую тему для философских рассуждений. Через какое-то время Николай Сергеевич привык к постоянной трескотне над ухом и редкие паузы в Васиных монологах стали напрягать больше, чем раньше напрягало их отсутствие.

Шофёру, зная его печальную историю, Камаргин старался помогать чем мог: иногда приносил приглашения в театр или на концерт, намекая, что там можно встретить приличную одинокую женщину.

– Да что вы, в самом деле, Николай Сергеевич? Какая приличная женщина в театр одна пойдёт? А если она одна – то уж точно её за что-то бросили, значит, этот, уже неприличная. Все они одним миром мазаны – шалавы, как говорила моя покойная бабушка.

– Ну, уж – и все?

– Да все, все! Вот вам крест! Ну, нет, конечно, Наталья Фёдоровна не такая. Вам с женой повезло, что и говорить.

Не хватало ещё с шофёром свою личную жизнь обсуждать! Пусть лучше о дураках и дорогах рассуждает, Сенек!

Свернув в ближайший переулок, аккуратно маневрируя между сползшими с тротуаров на обочины дворовых проездов машин, Василий привычно загнусавил:

– Ну, это ж надоть – дороги! Да их дорогами назвать нельзя. Кому скажи – засмеют! Знают же, по ним люди будут ез-

дить, а починить – никак! Вот вы, этот, Николай Сергеевич, сейчас в мэрии будете, спросите там у Иван Иваныча, когда дороги собираются делать? Это ж ездить невозможно, никаких нервов не хватит!

Встряхивая пассажиров, машина методично переваливалась из одной колдобины в другую.

– А тут мы раньше жили, – неожиданно для себя произнёс Камаргин, – по этой дороге, тогда ещё не заасфальтированной, я в школу ходил.

– По ней, кажись, ровнее было.

– Тут ты прав, ревизорро дорог – ровнее. А вот и школа.

– Сорок пятая?

– Она.

Машина двигалась медленно, предоставляя Камаргину возможность внимательно рассмотреть подзабытый уголок родного города. Вот и *тот* дом. Как же это было давно. Вновь непонятная тоска, до слёз, до спазма подкатила к горлу. Да что со мной?! Я столько раз мимо ходил – и ничего! Но волна разрасталась, затрудняя дыхание. Пришлось приоткрыть стекло. Салон вдохнул сырой февральский ветер. Василий скосил глаза на шефа, но промолчал. С близлежащих переулков стекались автомобилисты, пытаясь сократить время в пути, образовав новую пробку.

– Вася, ты подъезжай к мэрии, я пешком дойду. Тут недалеко. Иначе точно опоздаю, неудобно.

Выйдя из машины, оглянувшись, задержав взгляд на *том* доме, сейчас показавшимся маленьким, невзрачным, и тут же почувствовал острый запах детства...

* * *

В новую квартиру они переехали внезапно.

Когда отца вызвали в Управление, никто не ожидал такого поворота событий. Через час вернулся счастливый, непривычно глупо улыбаясь, бережно вынул из кармана ордер и пахнущие смазкой три ключа, соединённые проволочным кольцом. На следующий день Коля увязался за ним в новую квартиру. И никакие рассуждения о том, что у отца не будет времени увести его обратно, что придётся просидеть взаперти одному до вечера, не смогли поменять решение: желание посмотреть на новостройку захватило! Голова кружилась – то ли от счастья жить в «своей» комнате, то ли от нитрокраски, то ли от того, что детство закончилось: ты – первоклассник, у которого начинается новая и, в этом он был уверен, интересная, самостоятельная жизнь!

Действительность оказалось намного прозаичнее: в пустой квартире отсутствовала элементарная табуретка, полы грязные, воды в кранах, чтобы помыть их, нет. В двух небольших комнатах можно или ходить, или стоять у окон, опёршись на свежеекрашенные подоконники. Тем не менее, это ощущение новизны запомнилось на всю жизнь – на дво-

ре стоял сентябрь, и долгие годы первый месяц осени будет ассоциироваться у него с чем-то неизведанным, радостным, с предвкушением счастья.

В новую школу пошёл со второй четверти. Ранним утром отец повёл по незнакомой дороге, которая станет родной, принеся в его жизнь столько радости и столько горя. У школы спросил:

– Сможешь найти дорогу обратно?

– Конечно, я же не маленький!

Обратно первую половину пути прошёл легко. Дойдя до поворота, растерялся: дорога с этой стороны выглядела иначе – где проход через двор, где калитка? Минут пять искал потерянные ориентиры, пока не прошёл чуть левее. Слава богу – вот и калитка! Миновав двор, оглянулся, поняв – заблудился «в трёх соснах»: можно было пройти по грунтовой дороге, которая шла параллельно старому двухэтажному дому. «Зачем папа повёл меня через двор? По дороге проще и короче». Тогда-то впервые и обратил внимание на невысокий четырёхэтажный дом, стоящий совершенно не сообразуясь с другими – по диагонали, не вписываясь ни в одну из линий, ни в один из дворов. Первый этаж занимал хлебный магазин с широкой лестницей в тринадцать ступеней (их он потом посчитал) вдоль стеклянной, во всю стену, витрины. Странный дом – подумал тогда. С тех пор этот дом стал для

первоклассника Камаргина ориентиром при походе в школу: поворотный пункт – дошёл до него, и полпути пройдено.

...Аккуратно ступая по подмёрзшему за ночь снегу, Камаргин поравнялся с новостройкой, где запах свежеевыкрашенных стен ощущался сильнее, сыграв роль своеобразного катализатора, разбудив в памяти далёкие воспоминания детства.

Глава вторая

3

В его мальчишескую жизнь она вошла внезапно. В конце второй четверти (он уже учился во втором классе), однажды утром дверь класса открылась и вошла Лариса Борисовна, ведя перед собой высокую девочку.

– Знакомьтесь – Аня Лещевская будет учиться в нашем классе.

Итальянское выражение «удар молнией» он узнает много позже, но тогда, в эту самую минуту знакомства с новенькой, Колю будто током ударило.

Разве можно быть такой красивой?! Откуда она?

Остальные ребята восприняли происходящее как само собой разумеющееся – у многих родители были военными: они часто меняли школы, по причине перевода отцов в другие гарнизоны, поэтому приход в класс новенькой казался им делом обыденным. Но Коля был сражён. Будучи по натуре активным, шумным ребёнком – притих, до конца уроков смотря на Аню, как на чудо, по непонятным для него причинам решившее своим присутствием осчастливить их класс.

Девочка оказалась смышлёной и смешливой. Она хоро-

шо училась, ходила в танцевальный кружок и принимала как должное внимание ребят, спустя какое-то время разглядевших её неординарную внешность. Всё, что она ни делала, за что ни бралась, обретало новый смысл, становилось интересным и увлекательным. Аня так весело и задорно смеялась на переменах, так запросто, в отличие от других девочек, общалась с ребятами, так бегло и выразительно читала вслух на уроках внеклассного чтения, что через некоторое время в неё влюбились все мальчишки. Правда, проявлялась эта «любовь» по-разному. Витька Третьяков носил за ней портфель в школу, а Пашка Малеев – из школы. Аня сама установила такой график: пусть носят по очереди, а то подерутся! Толстый Саня Павлов, по прозвищу Пирожок, или Санчо Панса, пыхтя и смущаясь, предлагал ей бутерброды, каждый раз получая вежливый отказ: Спасибо, Пирожок, кушай сам, а то ещё похудеешь. Санчо Панса краснел, потел, отходил в дальний угол школьного коридора, где с набитым ртом клялся больше никогда, ни при каких обстоятельствах, даже если на коленях просить будет, не предлагать ей ни крошки! Но через какое-то время бутербродная история повторялась.

Серёжка Воронцов из параллельного класса дёргал её за косы и грубо задибался на переменах. Другие пытались выяснить с ним отношения, но парень был не робкий и крепкий. Однажды после уроков пацаны заманили его за школьный сарай, куда раз в четверть сносили собранную макулатуру. Претензии выдвинули весомые. Оценив обстановку

и прикинув – с такой оравой «в рукопашную» не справиться, он вдруг громко кинул: «Под девчачью дудку пляшете? С девчонкой дружить захотели? Подкаблучники!» И хотя никто не понял значение этого слова, оно подействовало.

– Ладно, Серый, извини, мы ж понимаем.

– Но ты больше её за косы...

– Да, не надо, не хорошо это...

Ребята молчаливо расступились. Воронцов понял – этот «бой» он выиграл. Выйдя из круга, неторопливо обвёл всех тяжёлым взглядом, сплюнув сквозь зубы:

– Будет за что, не только за косы дёрну!

На следующий день Аня пришла в школу в сопровождении Воронцова, покорно нёсшего её портфель.

Коля ревновал! Не к ребятам. Было обидно: он первый заметил её уникальность, её красоту, к которой вначале все отнеслись, как к нечто обыденному. Но с другими она общается, с кем-то может даже подраться, а его элементарно игнорирует! Это задевало, заставляло мучиться и ревновать – не к кому-то, а к тому, что он для неё пустое место!

Оказалось, Аня проживала как раз в *том* доме. Узнал случайно: проходя, как обычно, мимо своего «ориентира», увидел её, выходящую из подъезда. Одну. Коля готов был броситься, предложить свою помощь, но девочка и глазом не повела в сторону одноклассника, гордо направившись к школе.

Так продолжалось почти год.

Учиться Коля хуже не стал. И в хоровую студию при Дворце пионеров ходил исправно. Петь он любил, хотя многие ребята во дворе называли это девчачьим занятием, на что Коля не обращал внимания: когда он пел – представлял в зале Аню, слушающую, как он красиво поёт, как им восхищаются другие девочки, как хвалят педагоги, убеждая маму всерьёз подумать о музыкальной карьере сына.

Иногда Коля начинал говорить с предметом своего обожания вслух, правда, при этом самого «предмета» рядом не наблюдалось. Но он упрямо доказывал призрачному собеседнику: им надо дружить, ведь именно он первый разглядел её красоту, только он может её понять, оценить по достоинству, поэтому надо вместе ходить в кино, в театр.

Как-то отец пришёл с работы уставший, но счастливый и довольный.

– Вот, жена, гордись! – важно протянул два билета, – за отличную работу поощрили грамотой и билетами в филармонию. В субботу идём на концерт.

Мать обрадовалась, разругянилась (всегда краснела при смущении, ничего не могла с собой поделаться), поцеловала мужа.

– Надеюсь, скоро пойдём на концерт нашего сына.

– Я тоже надеюсь.

Решение пришло неожиданно, хотя созревало давно –

найден долгожданный повод подойти, предложить нечто стоящее: вместе сходить в филармонию. Три дня Коля обдумывал все «за» и «против»: как и где скажет о своём предложении Ане, в чём пойдёт на концерт, как расскажет о своём скором выступлении в этом зале. О родителях не думал – они выпали из его зоны внимания. В школе или после уроков подойти к Ане с билетами невозможно: она всегда находилась в окружении других ребят.

Но выход нашёлся.

Субботним утром, взяв с серванта пригласительные, отправился по заветному адресу. Дверь открыл невысокий мужчина.

– Здравствуй, мальчик. Тебе Аню?

Прямой вопрос застал врасплох. Кого же ещё?

– Ты заходи, не стой в дверях, сквозит.

В маленькой прихожей тесно, неудобно и неуютно.

– Аня, к тебе!

– Кто?

– Не знаю, парень не представился.

– Если Серёжка, скажи, я сегодня гулять не пойду.

– Это не Серёжа. Тебя как зовут?

– Коля.

– Тёзка. Будем знакомы: Николай Степанович Лещевский – майор военно-воздушных сил, – и уже вглубь квартиры, – это Коля.

– Какой Коля?

– Выйди, светик, не стыдись, тут и узнаешь.

От шутки Коля смутился ещё больше, готовый немедленно развернуться и уйти, как в дверях комнаты появилась Аня.

– Камаргин? Ты откуда?

Отец хмыкнул:

– Дочь, я думал, мы воспитали тебя лучше. Вначале принято здороваться. Даже в сказке Иван говорит Бабе Яге: накорми, напои добра молодца, а потом спрос учиняй.

– Может его ещё и спать уложить?! Привет. Чего пришёл?

– Здравствуй. Я вот... билеты... пойдём сегодня на концерт? – из-за пазухи купленного на вырост пальто неуверенно извлёк слегка помятые пригласительные.

Уголки девичьего рта опустились, носик сморщился, изобразив на лице брезгливое недоумение:

– С чего это?

Усмехнувшись, Лещевский пришёл на помощь юному кавалеру.

– Концерт – это здорово. Но сегодня мы запланировали сходить на каток. Пойдёшь с нами? А через месяц вернусь из командировки, сходим на концерт.

Знал бы Коля, что произойдёт через месяц!

Округлив глаза, Аня медленно повернула голову в сторону отца.

– Он кататься не умеет.

– Почему, умею, – откуда эта смелость, – пойду!

Отец улыбнулся:

– Тогда беги за коньками! Встречаемся через час на стадионе.

Счастливее чем тогда, когда стремглав нёсся домой за коньками, он себя в жизни больше не чувствовал.

Под нескончаемый «один раз» Анны Герман катались долго. Когда подмерзали, заходили в крытую часть стадиона, угощались купленными Николаем Степановичем пирожками с капустой и сладким чаем. За катанием разговорились. Помог Анин отец, исподволь расспрашивая, чем Коля занимается, чем интересуется, часто ли ходит в филармонию, кто его родители. Отвечая на простые вопросы, Коля незаметно преодолел смущение, открывшись совершенно с новой стороны. Когда отец узнал, что мальчик поёт в хоре, многозначительно посмотрел на дочь, по-особенному покачав головой.

Домой возвращались в седьмом часу: они с Аней впереди, Лещевский чуть поодаль.

– А ты ничего, можно с тобой дружить. И катаешься хорошо. На фигурное катание ходишь?

– Нет. Это меня папа научил. Он знаешь какой?! Он всё может!

– Заходи в понедельник за мной, вместе в школу пойдём.

– Хорошо... А как же Воронцов?

– А что Воронцов? Втроём и пойдём. Он портфель понесёт, ты – сменку. Идёт?

Холодок пробежал по спине, как предчувствие нехорошего: вроде вот оно – счастье, а уже понял – нет! Упустил! Или ушло?

Зайдя в подъезд, услышал отцовский бас:

– Куда ты дела эти чёртовы билеты!

– Да не брала я их! Как ты положил на сервант, так там и лежали.

– Тогда куда они делись? Ноги у них выросли? Сами в филармонию ушли?

«Это конец! Что я наделал?!»

– Ты где был? На катке? Раздевайся.

Коньки соскользнули по безвольной руке, гулко стукнув о деревянный пол. Расстегнуть пальто при отце не смел – под ним из нагрудного кармана пиджака торчали билеты.

– Чего ты ждёшь? Раздевайся, ужин давно остыл. Следующий раз будь любезен ставить нас в известность, если уходишь так надолго, и приходите вовремя, когда вся семья ужинает.

Делать нечего. Он вынул из-за пазухи мятые, пропитанные счастливым потом пригласительные и, зажмурившись,

протянул отцу.

Вот тогда отец впервые обратился к нему: «сын!»

4

Интересно, отец помнит эту историю? – подумал, поднимаясь в роскошный зал заседаний по мраморной лестнице.

Говорили, как всегда, много, долго, и всё вокруг дела. Наши заседания – национальная черта, скорее даже – болезнь. Учиться надо у муравьёв. Никаких заседаний, а «план» выполняют, и ни одного выпившего на работе. Сколько я времени на таких заседаниях потерял? Полжизни! А умножить на всех присутствующих? А по всей стране?! Да перевести в человеко-часы? Как у Райкина – это ж сумасшедшая цифра получится! Мне за это открытие надо Нобелевскую премию дать. Хотя какое это «открытие». Все всё понимают, а никто ничего сделать не может. Или не хочет? Но ведь, действительно, сколько времени утекает сквозь пальцы. Скажи сейчас: «Товарищи! Давайте сразу приступим к работе!» В «дурку» попадёшь. Как это – перейти к работе?! А кто руководить будет: планировать, отслеживать, разрабатывать рекомендации, составлять инструкции, проверять отчётность, проверять проверяющих отчётность? Вот и живём по русской пословице: семеро с ложкой. Хорошо, если семеро. Сейчас все двадцать с ложкой, и ложки всё больше,

а площадка всё мельче. Штопаем Тришкин кафтан, который выбросить давно пора и новый сшить. Да кто шить-то будет? Эти? Они и кроить не умеют. Посмотришь на план застройки города – и вспомнишь Энгельса недобрым словом. Зачем этот пролетарский капиталист пчёл обидел: даже самая лучшая пчела не сравнится с плохим архитектором! Потому что у архитектора присутствует план, чертёж, а пчёлы строят соты по наитию. Действительно, не сравнится! Возможно, он имел в виду обратное?..

– Николай Сергеевич! Как будем в этом году оформлять улицы и площади ко Дню города? – Мэр жестом предложил проинформировать собравшихся.

Ох, дядя Ваня! Сказал бы я тебе – как: по Маяковскому! Как там у него в «Бане»: стили, товарищ Победоносиков, бывают разных Луёв. Луя тринадцатого, Луя четырнадцатого, Луя пятнадцатого. – Вот, товарищ художник, давайте остановимся на Луе четырнадцатом! Только для удешевления выпрямим ножки, уберём золото и разбросаем там и сям советский герб на спинках и прочих выдающихся местах! Скажи, Камаргин, скажи! Точно в «дурку» упекут, может, и куда подалее!

– В этом году, Иван Иванович, предлагаем нестандартное решение. Наряду с привычной иллюминацией и цветной подсветкой, планируется на фасады домов пустить световую проекцию. Так сказать – «живые» картины из истории наше-

го города. В момент движения праздничных колонн по главной улице на фасадах домов пройдёт «историческое» шествие наших «предков». Такую дату не каждый год отмечаем, и отметить её надо так, чтобы...

– Помню, помню: чтобы потом не было мучительно больно! За бесцельно потраченные средства. Ты, это, Коля... эээ, Николай Сергеевич! Предложение, конечно, интересное. Но, смотри, за лимиты не выходи! Деньги, сам знаешь...

– Знаю, Иван Иванович, деньги должны быть освоены. Мы в Департаменте подумали: честь нам всем большая выпала – быть организаторами такого праздника! Вот и хотели грядущим поколениям память оставить. Ну, и гостей, особенно из побратимых городов, «порадовать».

Он хорошо знал «слабость» мэра – удивлять руководителей из других городов новым и необычным – мол, круче, чем у нас, ни у кого нет.

– Ну, ну... Давай, Николай Сергеевич, ещё раз всё прочитайте. У тебя люди толковые. Виктор Петрович, что у нас с озеленением, – это уже к службе благоустройства. Вернув авторучку во внутренний карман, нащупал конверт. Вскрою позже – при всех неудобно, размяк от пота, как тогда билеты... Не знаю, как отец, а дядя Ваня тот случай точно помнит.

* * *

В конце шестидесятых Иван Иванович Колпаков работал инженером на заводе алюминиевых конструкций. С отцом они были дружны – жили в одном подъезде, ездили на охоту, несколько раз летом семьями отдыхали в Приморье. Своих детей у Колпаковых не было, поэтому к Коле Иван Иванович относился как к сыну – по-своему любил этого пацана, многое ему прощая. Коля вплоть до института звал Колпакова «дядя Ваня». Именно дядя Ваня явился спасителем в тот субботний вечер. Возвращаясь с работы, услышал в квартире Камаргиных шум. Постучал, зашёл в незапертую дверь и, увидев испуганного, хлюпающего носом мальчика, попросил разрешения пройти. Узнав о случившемся, решительно вмешался в процесс воспитания... старшего поколения.

– Билеты, говоришь, взял? Что тут плохого – ребёнок тянется к прекрасному!

– Ты спроси у этого ценителя прекрасного, почему он билеты без спроса взял, а на концерт не пошёл?!

– Не хорошо, брат, не хорошо. Это называется: ни себе, ни людям! А и правда, где ж ты был?

– На катке он был!

– Ну?

– Вот тебе и «ну»! Да чёрт с ним, с концертом!

– Да уж конечно, чёрт с ним, с концертом. Знаешь, Сергей Григорьевич, я думаю, если бы те, кто сегодня туда пошёл, знали какой «концерт» здесь случится, они бы тоже не пошли.

– Почему? – отец опешил.

– А у тебя интереснее получилось! Даже не концерт, а картина маслом.

– Какая ещё картина?

– Репина. Ильи Ефимовича. Иван Грозный убивает своего сына! – и тут же залился звонким смехом, смеясь так заразительно, что родители не сдержались. Коля, совершенно произвольно, тоже стал переводить всхлипывания в беззвучный смех. Отсмеявшись, отец примирительно спросил:

– Кстати, сын! Объясни, почему ты на каток отправился в парадном костюме?

– Я не успел переодеться... я с девочкой туда пошёл...

– Вот всё и объяснилось! Иди, Коля, умойся, – и тише, для родителей, добавил, – чего ж непонятного? Пацан первый раз гулял с девчонкой, праздник у него, а ты ему такой день перечеркнул! Балбес ты, Серёга!

Отец смутился и остыл. Впоследствии часто, на совместных застольях, они вспоминали случай, когда Коля пошёл на каток в концертном костюме, «совершенно случайно» перепутав стадион с филармонией. И каждый раз Николаю приходилось скрывать свою, то затихающую, то вновь будоражащую боль.

* * *

Совещание закончилось в начале первого.

Ни два ни полтора. Пока на работу доберусь – тут и обед. А смысл?

Он приоткрыл дверь машины.

– Василий, езжай, обедай, я сам дойду.

– Да что вы, это, Николай Сергеевич, будете ходить по такому морозу? Давайте довезу.

– Вася, какой мороз? Конец февраля.

– Ну, так, сырость, сами знаете. Неспроста февраль люте-нем называют.

– Езжай, синоптик!

– Да как я вас одного оставлю?

Нашёлся на мою голову Савельич из «Капитанской дочки»! Староват я для Гринёва.

Шофёр был зануда редкостная, принадлежа к тому типу людей, забота которых способна довести до могилы. Камаргин долго не понимал, отчего так раздражается его поведением – до бешенства! Понял, когда вспомнил, как несколько лет назад увидел себя со стороны, на видео, во время прохождения психологического тренинга. Это была модель его поведения – непомерная, всепоглощающая «забота о близких». После тренинга он многое переосмыслил, усиленно работая над собой.

Что же он так обо мне печётся, боится одного оставить? Может, Вася элементарно следит за мной? Играет роль кретина по заданию? Бред! Невозможно так точно имитировать идиота. С таким никто не станет иметь дела... А я?

– Езжай, у меня ещё дела.

– Как же я без вас поеду, даже это не по-человечески как-то.

– Дорогу забыл?

– Так, кажисть, не забыл, но давайте обожду.

– Чёрт с тобой, «обожди»! – хлопнув дверью, направился к школе.

Зачем я туда иду? Все беды в нашей жизни от неумения сказать правду. Себе боимся сказать, а другим?.. Если бы каждый, хоть раз в жизни, признался, даже не вслух, про себя: я это делаю ради того-то и того-то! Может, жизнь стала бы проще и лучше? Как говорят французы: знал бы мужчина, о чём думает женщина, действовал бы в десять раз смелее. Так зачем и куда я иду? Если честно – к тому дому. Зачем? Сам не знаю. Не ври себе, Камаргин! Знаешь! У тебя там незавершённое дело! Почти сорок лет завершить не можешь! С детства это несёшь, иногда притупляется, иногда забываешь, но потом вновь под ложечкой сосёт! А решил бы проблему вовремя, глядишь, и жизнь по-другому бы сложилась. А она у меня и так неплохо сложилась. Да?! Тогда почему ты всем недоволен? Что ж у тебя всё «если б», да «кабы»? Вот и дверь. Сорок лет прошло, а её не поменяли... почему? Даже в двухэтажной хибаре проходного двора стальную поставили. А здесь? Странно.

Рука потянулась к дверной ручке.

Зачем? Ну, войду... дальше что? За бича примут, решив-

шего погреться! – ухмыльнулся: костюм из Италии, пальто из Парижа, и – за бича? Нет, бред, чистый бред.

В груди резко кольнуло, сдавив сердце стальным обручем.

– Да на кой чёрт мне всё это надо! Хорошо, Васю не отпустил.

Сделав шаг по направлению к дороге, решительно развернулся, резко открыв дверь в подъезд.

Глава третья

5

(Март 1920)

Гришка проснулся рано. Выйдя на двор, поёжился: утро выдалось неприветливым – ночью северный ветер нагнал плотные облака, в которых затерялись неяркие мартовские звёзды. Навстречу, радостно поскуливая, виляя острым, плохо закручивающимся в кольцо, хвостом (от чего и получил свою кличку), выбежал Штык. Собака, сдерживая громкий лай, лизала руки и лицо присевшего перед ней хозяина.

– Тише, Штык, перебудишь всех, рано ещё.

Потянувшись, осмотрелся. Из приоткрытой двери сарая лился тусклый свет керосиновой лампы. Заглянул. Сонька доила встряхивающую крупной головой Рыжуху; в углу сонно копошились пять кур, да петух вполглаза смотрел с наеста – чего, мол, хозяин, так рано поднялся, я только раз прокричал.

Да, негусто от батиного хозяйства осталось, негусто.

– Гриша, всё ж таки решил идти?

– Чего ждать? Петли пятый день непроверяны стоят.

– А маманя?

– Придёт. К вечеру возвратится. Да ты не тоскуй, я обернусь скоро.

– Я не тоскую, Гриша, но отчего-то всю ночь ныло, – показала на левую половину груди, – вот здесь, аж дышать трудно. Маманя обещала вчерась ещё возвратиться, до сих пор нет. Может, обождёшь?

– Я, может, и обожду. Зверь ждать не будет.

– Поешь в дорогу, я собрала уже, – встала, опершись левой рукой о поясицу, правой подняв тяжёлое ведро, – пойдём, молока налью.

Сонька была на два года младше брата, и хоть шёл ей сейчас всего восемнадцатый год, жизни в ней, как говорила бабка Прасковья, не было. Потявкивая, закрутилась под ногами лайка, забрехали соседские собаки.

– Говорил тебе, непутёвый, всю округу перебудишь.

Достав из кармана кусочек сухаря, дал собаке понюхать, приказав: «сидеть!». Быстро забежал за угол дома, спрятал сухарь под дальним забором и, вернувшись, бросил: «Ищи!». Так они играли лет шесть, с тех пор, как Штык щенком появился в доме. Отец учил – собаку надо сизмальства воспитывать правильно: она – охотник и должна искать добычу, а не жрать, как поросёнок, с корыта. И, хотя Штык давным-давно зарекомендовал себя «охотником со стажем», игра повторялась каждый раз. Лайка азартно подбежала к спрятанному сухарю, подцепила его лапой и, бережно схватив зубами, принесла назад, дружелюбно виляя

хвостом: вот, я нашёл, хватит играть, пора заняться серьёзным делом.

Месяц выглянул и вновь спрятался в тучу – «подмигнул», предупреждая: ночь заканчивается, я уйду, и тебе пора. Улыбнувшись в ответ, Григорий зашёл в дом, перекусил тем, что накрыла на стол сестра, запил парным молоком и, поблагодарив, направился к выходу, проверив заплечный мешок со сложенным с вечера скарбом и патронташ. Выходя в сени, снял висевшую на стене бельгийскую двустволку Пипера шестнадцатого калибра, приобретённую перед самой войной. Покупка оказалась удачной – с тех пор отец без трофея ни с одной охоты не возвращался, ласково называя ружьё «моя бельгийка».

Кутаясь в платок, на крыльцо вышла сестра.

– Зайди в дом!

– Не холодно, Гриша, провожу тебя и зайду.

Подозвав собаку, ловко посадил её на цепь. Штык, вопросительно гавкая, то припадая на передние лапы, то бросаясь вперёд, всем поведением выказывал недоумение и протест по поводу происходящего.

– Сегодня, Штык, пойду один. Ты тут Соньку охраняй, не ровен час... – взглянув на сестру, спохватился, – я скоро. Охранять!

Перекрестившись, надел на голову малахай, взял прислонённые к завалинке широкие короткие лыжи, проклеенные снизу мехом изюбря и, под громкое, уже не сдерживаемое

лаянье, вышел за ворота.

Отцово ружьё взял, к удаче, – немного успокоившись, Соня принялась убирать со стола.

* * *

Отца – Ивана Силантьевича Горшкова – забрали на «германскую» три года назад. В четырнадцатом, когда она началась, все думали – закончится быстро, но война всё тянулась, перемалывая новые и новые жертвы. В конце шестнадцатого отца вызвали на мобилизационный пункт – пришёл черёд его возраста. Во время проводов, Соня это запомнила на всю жизнь, мать вдруг запричитала, завывала как-то позвериному и, повиснув на отце, вдруг быстро-быстро начала кричать-говорить: не пуцу, не пуцу, не пуцу! Отец, смутившись, приобнял её, успокоил, уведя в горницу. На следующее утро до места сбора провожать его пошёл один Гриша.

Вначале письма приходили часто. В них Иван Силантьевич передавал приветы, веля кланяться поимённо соседям с улицы, и с соседней улицы, и с другой. Затем в двух-трёх предложениях рассказывал о солдатском житье-бытье, после чего вновь поимённо слал поклоны всем знакомым из родной слободы. Мать просила Гришку читать письма всякий раз, когда в избу заходили соседи, всегда внутренне переживая, вытирая украдкой кончиком платка нет-нет да выступавшие на глазах слёзы. Но через какое-то время весточки

стали приходиться реже. А после восемнадцатого года и вовсе потерялся след таёжного охотника.

Соня присела на сделанную отцом лавку, нащупала пальцами вырезанные ножом цифры: «1915». Где-то батя сейчас, жив ли? Ох, неспроста у меня сегодня так сердце ноет, неспроста.

Здоровье её пошатнулось более двух лет назад. В первую зиму без отца, в феврале, полоскала бельё на реке. Налетевший ветер попытался вырвать из девичьих рук намокшую тяжёлую простыню, отчего, потеряв равновесие, поскользнулась на мостках и, не удержавшись, упала в ледяную воду. Стиравшие рядом бабы тут же привели её в дом, где, хватаясь за голову и возводя руки к небу, засуетилась мать: принялась наливать горячий чай из самовара, укутывать в сухую простыню. Спас Гришка: срочно затопив баню, вбежал в избу, велел сестре раздеться.

– Я, Гриша, в бане разденусь, – стесняясь, дрожа всем телом, тихо запротестовала.

– Я тебе дам – в бане! Дура! Сейчас же раздевайся! – закричал, держа в руках бутыль самогона.

От его натиска мать пришла в себя. Вытолкнув сына в сени, быстро сняв с дочери всю одежду, с силой растёрла самогоном синюшное тело. После пропарила, но... беда не приходит одна. Ни растирание, ни баня не спасли от воспаления лёгких. Болела Соня долго, тяжело. Только к маю первый раз

вышла на двор, до конца так и не оклемавшись. После болезни стала вся квёлая, как не живая. И лишь изредка в глазах её появлялся прежний озорной блеск и детская весёлость.

* * *

До зимовья, построенного дедом, было вёрст двадцать. Григорий споро шёл на лыжах, углубляясь в спящую таинственным морозным сном тайгу. Вначале молодые деревья стояли вольно, но чем дальше, тем плотнее становилась чаща, густыми кронами заслоняя землю от предрассветных сумерек. Он давно заметил – монотонная мерность движений вытесняла из головы тяжёлые мысли, освобождая место приятным воспоминаниям.

– Батя, чаща оттого так и зовётся, что деревья чаще растут?

– Ты смотри, сообразил, – похвалил отец, – должно быть, оттого.

Первый раз отец с дедом взяли Гришку на охоту, когда тому только-только исполнилось девять лет. Не за папоротником, да грибами – за ними ходил сызмальства, а на настоящую охоту, вглубь дикой тайги. Мать было запротивилась: «Куда, рано ему». Но Силантий Силыч строго сказал: «Цыц! Ещё баба у меня в дому не командовала! Марш по своим делам, „закудыкала“ в дорогу!». Гришка весь день деловито

мешал взрослым собираться: перекладывал провизию, проверял нарты, пытался зарядить дедову бердану, тут же получив от него звонкий подзатыльник: «Я смотрю, ты прям иззуделси! Гляди, как бы весь пыл ещё до тропы из тебя не вышел! Не крутись под ногами волчком, делом займися – Щуку покорми!». Щукой звали дедову лайку. Он всегда держал только сук. «Кобель – собак ненадёжный, – Силантий Силыч называл собаку в мужском роде, объясняя, что так правильно, а как они „таперича“ говорят – это „от вырождения рода людского“, – кобель завсегда налево норовит уйти, как любой мужик! Нет, на охоте, оно понятно, будет и он свою службу несть, но как только течку учует – пропал! Не удержишь. Потому лучше суки собак не найти. Она ведь, строго говоря, и кобелём вертит: пока, как говорится, сучка не захочет...».

На той охоте случился у Гришки первый казус. Отец учил ставить петли на соболя. Наука нехитрая, но сноровки и навыка требовала. На удивление, Гришка освоил её быстро.

– Петля, Гриня, первое дело! Она и шкурку не спортит и зверьку не даст на земле остаться. Сам понимаешь, иначе его мыши да бурундуки погрызут. А что за охота брать мех с изъяном? Запоминай: берём два колышка, – отец подвёл сына к пунктирным маленьким следам на снегу, – забиваем их в землю.

– Батя, так земля-то мёрзлая.

– Эк, сообразил! Мы с дедом тут ещё по началу зимы ко-

лышки вбили.

– А как знали, что здесь надо вбить?

– Так у соболя повадка какая? Он по своему следу несколько раз проходит. Как первый снег выпал, тут и проверь его ходки. Раз, где прошёл, всё – его тропа. Вот и наши колышки. Вишь, на них поперечина. В неё палочку вставляем, но не простую, а с зарубкой.

– Зачем?

– Да ты что? А петлю на что зацепишь? – отец достал волос из конского хвоста, скрученный в петлю, подцепил к зарубке на гибкой палочке, – вот она и держит петлю.

– И как она сработает?

– След видишь?

– Угу.

– Вот сюда, посередине колышков, прямо по следу, втыкаем ещё один колышек.

– Такой? – поискав вокруг, подобрал длинную палку.

– Не, помельче, – осмотрев очередную палочку, протянутую сыном, похвалил, – молодец, такой. Вишь, у него наверху «коготок» торчит?

– Так-то ж сучок.

– Сучок у тебя в глазу. А это – коготок. За него сейчас и зацепим петлю. Соболю между колышками надо по тропе как-то пройти, он петлю заденет и за собой потянет. Вот механизма и сработает.

– А дальше?

– Дальше – ходи, проверяй ловушки, добычу собирай. Понял?

– Угу.

– Ну, тогда давай, найди соболиную тропу, попробуй поставить, я рядом буду, пособилю, ежели что.

Искал Гришка свою первую тропу долго. Никак не попался ему след соболя. Пару раз видел висевших зверьков на отцовских ловушках, но свою тропу найти не мог. Лишь к вечеру, измаявшись, увидел на розово-синем от заходящего солнца снегу чёткие точки маленьких лапок. «Вот! Нашёл!». Понял сразу, врождённым чутьём охотника. Всё сделал, как учил отец. Умудрился даже вбить в мёрзлую землю колышки, сделал растяжку, накрутил конский волос, зацепив его за «коготок». Беззвучно отошёл в сторону, схоронясь за старой лиственницей, с замиранием сердца следя за соболиной тропой.

Отец подошёл незаметно, мягко положив тяжёлую руку на плечо, отчего Гришка встрепенулся.

– Гришаня, вот тебе главный урок – спину никогда не открывай. Бояться – никого не бойся, но человека, даже знакомого, в тайге остерегайся больше зверя. Здесь люди меняются: кто к хорошему, кто к плохому. Даже не меняются... выходит наружу из человека в тайге то, что в нём заложено. Природа своё берёт. Так что спину не открывай – всякое может случиться, и не заметишь, как сзади кто подкрадётся. Звуки слушай: зверь всегда подскажет – где, кто идёт.

Особливо птица. На знакомых один сигнал подаст, на чужака – другой. А чего ты здесь стоишь-то?

– Как чего? Соболя жду.

– Так ты петлю поставил?

– А то, – на красном от мороза, с инеем на длинных ресницах, лице проступила довольная детская улыбка, – хошь поглядеть?

– К чему? Вот завтра придём и увидим, как твой капкан сработал.

– Как завтра?

– Так ты что, думал – поставил петлю и всю зиму здесь сиднем сиди в ожидании? Нет. Наше дело по-другому устроено: поставил в одном месте, иди дальше, ставь следующую, по пути проверяй выставленные. Если соболь попался, съмай, и в мешок. И так каждый день. Темнеть начинает. В тайге ночью оставаться негоже, идём до зимовья, там уже Силантий Сылыч ждёт.

Гришка всё оглядывался, всё надеялся – сегодня попадётся соболь...

Утром отец нарочно повёл к другим тропам: показал место, где летом протекал таёжный ручей, сейчас скрытый под толстым слоем льда, объяснил, как ставить петли на нём. Но больше водил для того, чтоб выработать характер: негоже охотнику суетливым быть, надо уметь ждать и терпеть.

К полудню, мягко скользя на широких лыжах, добрались до деда – тот выкуривал из поваленного дерева спрятавшуюся

ся в дупле добычу. Гришке стало жаль зверька. Нет, вот так, на растяжке, или битого стрелой, куда ни шло, но травить дымом бедное животное... Отвернулся.

– Глянь, пожалел! Размазня! – тихо сказал дед, надевая на правую руку кожаную рукавицу.

– Гриня, – строго обратился отец, – на охоте жалости нет! Взяться за дело – доводи до конца. Иначе...

Он не договорил. Задыхающийся в дыму соболь выскок из дупла, тут же схваченный проворной рукой Силантия Силыча. Сердце зверька бешено трепыхалось, поэтому дед сильно сжал соболя, подержав так некоторое время. Маленькое пушистое тельце затихло. Хоть и жалко зверушку, сумел оценить, как ловко старый охотник расправился с ним.

– Дед, а пошто ты на капкан не ловишь?

– На капкан? Капкан, он что? Может и шкурку попортить, и железный. А железо тайге – чуждый элемент.

– Так его гольды ловить научили.

– Да, было дело. По молодости. Я к ним попал. Вернее, они меня подобрали. Плох я тогда был, думал, всё, не выживу. Но выходили. Три года у них жил. Ладно, сейчас не время, в другой раз расскажу. Да и болтать в тайге нечего. Идём, поглядим на твою работу.

Гришка бежал на лыжах изо всех сил: чувствовал, верил – соболь попался! Но, подъехав ближе, увидел лишь пустую петлю, болтающуюся на сработанной ловушке. Отец взял в руки конский волос, осмотрев, поднёс ближе к сыну.

– Гляди, – в петле застряли волоски соболиной шкурки, – как он тёрся, чтоб вызволиться!

– Значит, он попался?

– Конечно, попался. Молодец, Гриня, хорошо петлю поставил.

– Но почему ушёл?

– Потому, – пояснил дед, – поставил-то хорошо, но не грамотно.

– Это как?

– Для того, чтоб не ушёл, надо все деревца рядом с гибким прутом, на котором петля накинута, вырубать. Тогда ему не за что будет цепляться. А так, – отец положил свою большую руку на плечо сына...

Гришка резко повёл плечом. Обидно было до слёз.

– Почто не сказал, батя? Я б вырубил!

– А оттого и не сказал, чтоб наука впрок пошла, – Силантий Силыч тихо рассмеялся, – каждый должен на своих ошибках выучиться.

Сколько с тех пор он этих петель переставил, всяких разных – и на соболя, и на кабаргу, и на косулю, в любое время года. Сколько зверя в тайге побил, сколько дней и ночей здесь провёл! И сейчас понимал: прав был отец с дедом – крепче усвоится наука на своих ошибках. И чем раньше их сделаешь, тем прочнее выучишься.

Воспоминания приглушили невесёлые думы о пропавшем

на войне отце, о хворой сестре, о матери: интересно, маманя вернулась? С чего так задержалась в городе?

6

Мать – Ефросинья Васильевна – два дня как ушла в город за лекарством для Софьи. Со времён болезни сестре лучше не становилось. Были моменты, особенно летом, когда она «оживала», но длились они недолго. Первые прохладные дни вновь возвращали сестру в состояние тихого угасания. С месяца назад в селе остановился один из многочисленных белогвардейских отрядов. Так получилось, в их избу подселился военный доктор. Мать не решалась показать Соню врачу, но тот сам, услышав ночью кашель молодой девушки, попросил разрешения осмотреть дочь. Велев раздеться по пояс, прослушал через металлическую трубочку, чудно говоря: «дышите, не дышите», после чего начал простукивать спину ниже рёбер.

– Ой, больно!

– А так? – доктор попросил лечь на кровать и надавил на живот.

– Так щикотно.

– А здесь? – он вновь надавил, ближе к боку.

– Больно, но не так шибко.

– Одевайся, милая. Давно это у неё? – вытирая руки о полотенце, спросил стоящую поодаль озабоченную мать.

– Года два, может и поболее.

– Ну-с, расскажите-ка мне, с чего всё началось, что за болезнь определили местные эскулапы.

– Кто?

– Лекари ваши, как и чем лечили?

– Да чем, чем? Вот, барсучьим салом натираю, в бане парю, правда, после этого кашель сильнее у неё становится. Да травами бабка Прасковья лечит – одни завариваем, другие высушиваем и в мешочек, как в ладанку, кладём. Их и прикладываем.

– Дикость какая-то, – пробурчал доктор, – ей не травы нужны, лекарство.

– Да где его взять? А что с ней, доктор?

Не обращая внимания на мать, спросил:

– Ходишь с кровью?

– Да вы что? Девица она!

– Я не о том. Когда мочишься, кровь бывает?

– Да, и больно.

– Как больно?

– Как щиплет внутри.

– Матери говорила?

– Да... – замявшись, тихо добавила, – но не сразу.

– А вы что же, мамаша? Хоть бы к фельдшеру сводили!

– Да на кой нам при наших бабьих делах хфельдшер? Чай и сами сообразим, что девицей стала.

– Не то. Это не цикл. Скорее всего, почки у неё с гемату-

рией.

– С чем?

– С гематурией. Болезнь такая. Тяжёлая... отчего мало-кровие и слабость. Чтоб вам понятнее было: застужены почки и, думаю, с осложнением, раз больше двух лет мается. Вот, – достал из полевой сумки бумагу, – перо найдётся?

– Отродясь в доме перьев не было, они нам без надобности. У нас все мужики охотники, а не писаря.

– Ладно, напишу рецепт химическим карандашом. Как фамилия?

– Горшковы мы. Звать Софьей, по отцу Ивановна.

– Хорошо. Езжай в город, в аптеке купишь лекарство.

– Как хоть название?

– Аптекарь разберёт. Принимать будешь после еды, три раза в день. Порошок. Разведёшь в стакане тёплой воды и пей, поняла? Должно помочь.

Через два дня отряд съехал. Мать съездила в город, но вернулась ни с чем – лекарство нынче дорого стоит. И деньги аптекарю не нужны, ни к чему эти бумажки теперь. Вот если монета, или ещё там чего...

За прошедший месяц Софье стало хуже и Ефросинья, собрав отцовы подарки (серёжки с камушками красными, да колечко золотое), вновь отправилась на поиски лекарства. А Гришка, рассудив, что соболь всегда в цене, собрался на охоту.

Тайга лениво просыпалась: сонно потягивались прямыми ветками высокие лиственницы; распрямляли «плечи», пытаюсь освободиться от снежных шуб, разлапистые ели. Обросшие вековым мхом лесины тянулись вверх, желая первыми поздороваться с восходящим солнцем. Лёгкий ветерок прошёл по заснеженным бордово-малиновым лианам лимонника, на которых кое-где висели засохшие красные ягоды. На селе и в городе снег местами уже прихватился ледяной корочкой, подтаивая на ярком солнце, отчего в воздухе чувствовалась сырость – предвестник весны. Здесь же лежал чистый, плотный, сохраняемый от сильных ветров и прямых солнечных лучей лапами вечнозелёных деревьев. Величавость природы успокаивала и, как всегда в лесу, настроение улучшалось. Тайга жила своей жизнью: не было ей дела ни до войны, ни до людских проблем и страданий, ни до грустных Гришкиных мыслей о батё, о больной сестре. Сейчас, у старого кедра, он свернёт вправо, и появится тропа, по ней – до изгиба ручья. Первая петля. Издали понял – пустая. Подошёл, посмотрел. Следы старые, «размытые», чуть заметённые снегом, значит, ушёл зверёк. Осмотревшись, продолжил путь, внимательно примечая следы. Эти заметил издали. Остановившись, плавным движением снял со спины ружьё, машинально нащупав в патронташе снаряжённый пулей патрон. Зарядил. Подъехав ближе, по-

нял – не показалось: косолапый проснулся до срока и сейчас где-то бродит агрессивный, беспощадный, доведённый голодом до отчаяния хищник.

Увидишь зимой следы медведя, знай, шатун рядом: ему тебя выследить надоть, подкрасться, чтоб ты не заметишь, и неожиданно напасть, – вспомнил Гришка науку отца, – тут уж он охотник! Шатун больше сзади кидается – не подставляй спину! Но может и кружить вокруг – подходы делать, рычать, угрожая. Как только скачками кинется – стреляй! А чтоб не пропасть – держи в патронташе в одном и том же месте пулевой патрон.

Прислонясь спиной к лиственнице, осмотрелся. Вроде тихо. Держа двустволку в руке, оттолкнулся правой ногой, неспешно продолжив движение: Только мишки мне не доставало! Чего его проснуло?! А как ему не проснуться, когда весь год ни орехов, ни ягод!

Рассуждения прервал дальний крик воронов. Охотник насторожился. С запада пролегал полузаброшенный тракт, по которому, судя по недовольному карканью птиц, шёл чужой. Вороний крик стал ближе, смешавшись с трескотнёй сорок: птицы перелетали с дерева на дерево, обозначая путь незваных гостей.

Затаившись за кустом смородины-дикуши, укрытой высоким сугробом, решил пропустить незнакомцев. Вдали пока-

зались двое. Первый, обутий в сапоги, с винтовкой на плече, «пританцовывал», похлопывая себя руками по бокам, создавая излишний шум – озяб, понял Гришка. Второй прихрамывал, опираясь на длинную палку. Скорее всего, идёт в чужой обуви, оттого и ноги натёр. Лямки тяжёлого вещмешка прикрывали погоны – значит, не красные. Шли торопясь, то и дело оглядываясь. На впалых щеках отросшая щетина, осунувшаяся походка, офицерские шинели «не первой свежести» – по всему видно, в пути давно, уходят от кого-то.

Снег закрипел рядом с сугробом.

– Что, Павел Витальевич, привал?

– Да, Женя, сил нет – надо портянки перемотать, совсем ноги сбил.

Сжимая в руке ружьё, Гришка следил, как Женя помог спутнику снять мешок, открыв погоны штабс-капитана. Тот, опустившись на снег, прислонясь спиной к мёрзлому стволу, с усилием стянул правый валенок и, пошевелив затёкшими пальцами ног, начал перематывать портянку.

Чиркнула спичка, наполнив лесной воздух серным запахом.

– Не курите в лесу, сколько раз говорил.

– Так нет никого!

– Это только кажется. Человек всегда умудряется оставлять следы своей неразумной деятельности. Кстати, вы никогда не задавались вопросом, почему разумные следы нашей цивилизации канут в лету, а неразумные порождают но-

вые проблемы и беды, разрастаясь до вселенских катастроф. Нет? А вы задумайтесь, – ловко намотав портянку, натянул валенок, подняв погасшую спичку. – Здесь нет никого пока, но пройдет время, и брошенная вами спичка может обернуться следом, указывающим, где нас искать.

– Павел Витальевич, обугленная спичка сгниёт в снегу на второй день. И отчего это не может быть спичка местных охотников или кого-то ещё...

– Нет у местных охотников такой спички. А если по нашему следу уже идёт господин ротмистр – табачный дым выдаст нас скорее отпетого провокатора. Потому загасите вашу «Гусарскую» папиросу.

Жадно затянувшись, Евгений затушил папиросу о кору дерева, бережно спрятав окурок в вынутый из кармана потёртый кожаный портсигар.

– Не считите за труд, понесите мешок, я совсем расклеиваюсь.

– Будет исполнено, – надев вещмешок, помог старшему офицеру подняться, – готовы, господин штабс-капитан?

– Так точно, – оправившись, оглянулся вокруг, – погода не на шутку портится, давайте поторопимся. Шагом марш! – скомандовал полушутя.

Гришка лежал, провожая путников внимательным взглядом: – Откуда идут и куда? Его это не касается – прошли и прошли...

Глава четвертая

7

...Сделав шаг по направлению к дороге, Камаргин решительно развернулся и вошёл в подъезд.

Ржаво скрипнув, дверная пружина заявила негодующий протест. В разбитые окна порывисто влетал февральский ветер, раскачивая свисающую с потолка чёрную пылевую паутину. Привыкнув к полумраку (уцелевшие замызганные окна с трудом пропускали свет), неуверенно поднялся по выщербленным ступеням, брезгливо осматривая обшарпанные, пахнущие сырой штукатуркой стены. Тишина давила: склеп в двенадцать квартир. Вспомнился Даргомыжский: двенадцать часов по ночам / из гроба встаёт барабанщик / и ходит он взад и вперёд / что делает здесь бывший мальчик? Поднявшись на четвёртый этаж, остановился у двери с цифрой «12».

Пришёл, что дальше?

Рука машинально раскачивала зажатый в кулаке шарф – к себе, от себя, к себе, от себя.

Дальше надо позвонить. – И? – Откроют. – А я? – А ты спросишь, кто там сейчас проживает. – Зачем?

Костяшки пальцев нечаянно ударили в дверь.

– Кто там?

От внезапности вопроса отшатнулся.

– Кто там? – повторил из-за двери женский голос.

– Я, – ответил с неожиданной готовностью.

Глупее не сказать. Кто – «я»? В самом деле, кто такой этот я? Понятно, Камаргин, Николай Сергеевич, шестидесятого года рождения, женат, заместитель начальника Департамента культурной политики, но здесь это при чём? Кто я вообще такой? Как ответить на вопрос: кто там? – Человек! Абсурд. Кто ещё на этой планете может постучать к вам в дверь? Бегемот? Так кто же я – друг, враг, брат, сват? – вдруг рассмеялся:

– Сантехник!

Дверь открыли. Яркий солнечный свет бил женщине в спину, оставляя лицо в тени. Улыбнувшись, спросила:

– Как всегда – шуточки? Заходи, я опаздываю. Лекарство отцу купил?

Откуда она знает про отца и лекарство? – вздохнул с облегчением – меня с кем-то перепутали.

– Забыл?!

Глаза привыкли к освещению. Женщина повернулась в профиль, её лицо отдалённо напоминало...

– Коля, не стой истуканом, раздевайся!

Озноб пробежал по спине: Аня?! Эта женщина – Аня? Она до сих пор здесь живет? Но этого не может быть! Когда она вернулась и какой отец? Он ведь...

Из комнаты послышался кашель и давно забытый голос спросил:

– Кто пришёл?

– Папа, кто может прийти?

– Врач?

– А ты выйди, светик, не ленись, – усилив голос на тон, продолжила из кухни, – врачи велят тебе больше двигаться!

Из глубины квартиры раздалось кряхтенье, затем шаркающие шаги, и в дверном проёме, где сорок лет назад стояла Аня, появился сильно постаревший Николай Степанович Лещевский!

Дежа вю «вверх ногами» волной прибило Камаргина к стене: не может быть, этого не может быть!

– Коля, ты проходи, проходи, – выцветшие, слезящиеся глаза смотрели озорно, как при первой встрече, – чего встал в дверях, будто неродной? – изобразив вялой рукой приглашающий жест с ухмылкой добавил шамкающим ртом, – сегодня, кхе-кхе, на каток не пойдём...

И предметы, и коридор, и старик с его голосом, всё стало медленно, теряя очертания, расплываться в гаснущем сознании. Тело Николая Сергеевича тихо сползло по стене на пол.

* * *

На следующее утро после катка Коля на крыльях нёсся к Ане. Взлетев на четвёртый этаж, не успел поднести руку

к звонку, как дверь внезапно открылась. На пороге стояли Аня и Воронцов с двумя портфелями.

– О! Ещё один кавалер нарисовался, – весело сказал стоявший за ними Николай Степанович, – если так дело пойдёт, открою школу на дому.

– Не пойдёт, не переживай, – ответила дочь, выходя из квартиры.

– Камарга, ты чего здесь делаешь? Тебя кто звал?

– Воронец, не командуй, его я пригласила.

– Зачем?

– Тебя не спросила, – легко сбегая вниз по ступенькам, скомандовала, – идём уже!

– Больше чтоб я здесь тебя не видел! Это я с Анькой хожу!

Обычно в таких случаях Коля терялся и ответ всегда приходил позже, когда и отвечать было некому, да и незачем, как говорил отец: после драки кулаками не машут. Но сейчас за словом в карман лезть не пришлось.

– Ты, Воронцов, ходишь с Аниным портфелем, а я пойду с ней.

Приостановив бег, Аня посмотрела снизу вверх на Колю, медленно переведя взгляд на Воронцова, растерянно стоявшего с открытым ртом, и засмеялась.

– Ну, Камарга, ты даёшь! Так ему ещё никто не отвечал. Воронец, держи портфель крепче и рот закрой – ворона залетит! Чего застыл, спускайся!

Весь месяц Коля «летал» от счастья: уроки делались «на раз», ребята набивались в приятели, дома не ругали. Но самое радостное событие произошло на хоре: он вдруг так звонко запел, такой свет излучал его взгляд, так легко летел голос, что на ближайшем концерте ему доверили исполнять сольную партию в «Аве Мария» Шуберта.

Радостный, возбуждённый жал кнопку звонка у знакомой двери.

– Вот, – выпалил, едва на пороге показался Николай Степанович, – пригласительные! В воскресенье концерт – буду выступать, приходите!

– Ты смотри, какие успехи, – Лещевский одобрительно кивнул голо-вой, – скоро будешь петь в Большом театре!

– Нет, – смутился Коля, – не скоро.

– Заходи, чего на пороге стоишь? – Аня, по обыкновению, стояла в дверном проёме, опираясь на него левым плечом. Очень хотелось зайти, поговорить с ней без Воронцова (всё это время тот не отходил ни на шаг), побеседовать с Николаем Степановичем, который общался легко, с юмором и весёлым подтруниванием.

– Не могу! Через час генеральная репетиция!

– Ух, ты! Хорошо, после концерта пообщаемся.

– Так вы придёте?

– Конечно, нам же интересно тебя послушать, – обращаясь к дочери, добавил, – и музыку мы любим, да?

– Любим, любим! Ты Воронцу билет принёс?

– А ему зачем?

– Он тоже музыку любит, – улыбнулся Лещевский, – принеси.

– Хорошо, – настроение упало, – принесу.

Выходя из подъезда, Коля вновь ощутил себя самым счастливым человеком на свете: Аня услышит, как он поёт, а Воронцов... так это и хорошо, пусть приходит – он так не умеет!

За час до концерта, после общей распевки, ребят отправили одеваться в сценические костюмы – синие безрукавки, надетые поверх белых рубашек с алым пионерским галстуком. Переодевшись, решил выйти в фойе, встретить Аню. Но хормейстер – Надежда Инсуевна – строго запретила выходить к слушателям в сценическом костюме, велел настраиваться на концерт: – Ты сегодня первый раз соло поёшь!

Да спою я, спою, – хотел ответить, но передумал.

Как я узнаю, пришла она или нет? – рассуждал, подойдя к артистическому входу, – да очень просто! – выбежав на улицу, обогнул большое здание дома культуры, очутившись у парадных дверей: родители с детьми, бабушки, дедушки шли на концерт. Ани не было. Стало холодно. Вернувшись к «чёрному» ходу, через десять минут вновь выбежал посмотреть, и так несколько раз. – Может, она пришла раньше, я ведь и родителей не видел.

Хлопки руководителя собрали ребят на сцене. Третий звонок. Занавес!

Как пел – не помнил. После концерта все поздравляли, говорили: «отлично!» Отец крепко пожал руку, коротко поцеловал. Мама, смущаясь и краснея, принимала поздравления. А он искал взглядом лишь её. Аня не пришла...

Утром проснулся разбитый. Безвольно собравшись в школу, вышел к завтраку.

– Ты чего такой несчастный? Вчера так хорошо пел!

– Не знаю, – ответ прервал сухой кашель.

– Коля, ты не заболел? – губами коснулась лба и, охнув, сцепила пальцы в замок под подбородком. – Да у тебя жар! – Градусник показал тридцать восемь и пять, – срочно в постель! Серёжа, вызывай врача!

Два дня пролежал в полусне-полубреду с высокой температурой: тело ломило, в «чугунной» голове, переплетаясь с музыкой Шуберта, пульсировала одна мысль – почему она не пришла? На третий день жар спал, но чувство радости, присущее выздоравливающему, не наступило, сменившись, напротив, вползшей тревогой. Видя потерянный взгляд сына, мать допытывалась:

– Сынок, как ты себя чувствуешь, что болит?

– Ничего.

– Отчего такой грустный? Тебе чего-нибудь хочется? Что купить?

– Ничего не надо, я уже здоров!

– Смотри, какой скорый – здоров он! Ещё вчера весь горел, а сегодня – здоров! Выздоровеешь, когда врачи скажут.

После обеда, дождавшись её ухода в магазин, решил сходить к Ане. Превозмогая головокружение, с трудом оделся, покрывшись испариной. «Ватные» ноги еле доковыляли до переулка, где и наткнулся на мать.

– Это что такое?! Срочно домой!

Сопротивляться не было сил. С трудом дойдя до квартиры, разделся и лёг в кровать, покрывшись крупными мурашками от внутреннего озноба.

– Посмотрите на него! Чего выдумал? Герой какой! Успеешь к своей девчонке. Никуда она не денется! Ты б ещё коньки взял!

Отвернувшись к стене, почувствовал на щеках горячие слезы, размазанные обвинениями матери:

– Придёт отец, я ему всё расскажу! Прав он – ты у нас от рук отбился, – заметив, что сын задремал, притихла, плотно закрыв дверь. Больше он ничего не слышал, провалившись в глубокий сон.

Что-то стучало, бухало, колотилось. Он стоял перед Аниным подъездом, пытаясь открыть ставшую тяжёлой, никак не поддающейся из-за болезни, входную дверь. Удары и стук нарастали... Это сердце – понял внезапно – если он сейчас не зайдёт в этот чёртов подъезд, оно просто выскочит из груди. И тут дверь легко поддалась, словно кто

снял с крючка туговую пружину. Взбежав на площадку второго этажа, остановился, как вкопанный. Старая, худая, горбатая нанайка сидела на цементном полу, мерно стуча в натянутую кожу жёлтого бубна. Смотря сквозь него злыми глазами, повторяла беззубым кривым ртом одно слово: *байта, байта, байта*. Застыв на месте, он не понимал о чём она говорит, всё возвышая и возвышая противный голос. И когда голос сорвался на писклявый крик, попятился, споткнувшись о развязавшийся шнурок, неуклюже упал на лестницу, вскочил, пулей устремившись к выходу, слыша вслед отчаянный крик: *твоя кровь мою землю отобрала, на твоей крови дом стоит, свою кровь здесь найдёшь!* **БАЙТА! БУДЕТ БАЙТА!**

Болезнь вспыхнула с новой силой.

В школу вернулся после зимних каникул. Бледный, с синяками под глазами, не до конца оправившись от сложного гриппа, в класс летел «на крыльях». Ребята окружили, спрашивали о здоровье, о том, чем так долго болел, а он всё смотрел вверх голов, стараясь отыскать её. Прозвенел звонок. Промаявшись за партой часть урока, спросил соседку – Зинку Гринченко:

– Аня тоже болеет?

– Ты что, ничего не знаешь? – выпучила белёсые глаза без ресниц.

– Чего я не знаю?

– Камаргин! – Лариса Борисовна строго посмотрела в их сторону, – мы все рады твоему возвращению, но ты и так полчетверти пропустил, а будешь болтать, останешься на второй год!

– Потом, – шикнула Зинка, демонстративно отвернувшись.

Он абсолютно не был готов к тому, о чём узнал на перемене.

В воскресенье утром, в день концерта, отец Ани разбился, выполняя тренировочный полёт. Что и как там случилось, никто толком не знал – болтали разное. Финал один – отца Ани нет в живых. А сама она с матерью ещё до Нового года уехала к себе на родину, в Киев. Там у них вся родня.

После уроков ноги сами привели к её подъезду. Стоя перед дверью, не решаясь взяться за ручку, он ощущал, как внутри всё бухало, стучало и клокотало. Неужели так может биться сердце? Нет... не может, это старая шаманка стучит в свой страшный бубен: байта, будет байта!

В подъезд он так и не зашёл. Ни тогда, ни после...

* * *

– Николай Сергеевич, Николай Сергеевич! – Василий хлопал по щекам, пытаясь привести в чувство. – Хорошо, я

не уехал. Сейчас «скорая» приедет, я, этот, уже вызвал.

Мозг пытался сфокусироваться на происходящем: «Где я? Кто это? Почему он так кричит?».

«Скорая» приехала быстро.

– Во вторую, – осмотрев больного, командовал врач.

Зачем во вторую, мне на работу надо, хотел возразить, но не смог – язык плохо слушался...

– Говорила, возьми отгул! И чего тебя туда понесло? Счастье, что Василий рядом оказался! Как ты нас напугал! Это ж надо, до обморока доработался! – размазывая тёмные от туши слёзы, причитала Наташа.

Я был в обмороке? Как Вася оказался в той квартире? Что там вообще произошло?

– Ну, мой друг, как дела? – Павел Алексеевич Нагибин – заведующий психоневрологическим отделением второй больницы, дружил с Камаргиным с детства.

Как я рад тебя видеть, Нагиба! Ты даже не представляешь, как я рад! – от удовольствия Камаргин зажмурил глаза.

– А вот глаза, старик, закрывать не надо, ты лучше своими глазками с нами общайся, да, Наташка?

Наташа сидела рядом, с нежностью глядя на мужа, перебирая пальцами его густые, тронутые сединой, волосы.

– Любит она тебя, за что – до сих пор не пойму...

С Нагибой они сошлись не сразу. Первые два года приятельски общались наравне с остальными ребятами: играли в хоккей, футбол и «войнушку», гоняясь друг за другом с вырезанными из досок «ружьями», стреляющими проволочными пулями. Нагиба тогда дружил с Чичаем, парнем года на три старше Коли. Сбитый, плотный Лёха Чичай смотрел на всех с выражением тупого превосходства на широком лице.

В конце знойного июля шестьдесят девятого ребята вернулись домой на два – три дня между сменами в пионерских лагерях. Поделиться впечатлениями выходили во двор, прячась от палящего солнца под большой деревянной горкой. Но это не спасало. Тогда кто-то и предложил сходить на Амур. Отправились ватагой – человек двенадцать. Весело, задираясь друг к другу, дошли до реки, быстро сбросив шорты и майки, плюхнулись в жёлто-коричневую воду, к «великой радости» отдыхающих. Коля зашёл в воду аккуратно – горло надо беречь. Ребята спорили, кто дольше продержится под водой.

– Камарга, ныряй! Ты же певец, у тебя дыхалка хорошая.

Нырнуть, показав всем превосходство своих лёгких, очень хотелось, но как погрузиться в мутную воду с открытыми глазами – не представлял, оттого замешкался, в ту же минуту услышав громкий вскрик за спиной. Прыгая на одной ноге, морщась от боли, Нагиба двумя руками держал

вторую, из стопы которой стекала в песок струйка алой крови – порезался об осколок пивной бутылки. Взрослые обступили мальчишку: одни помогали обмыть ногу от песка, другие протягивали носовой платок – перевязать рану. Кто-то посоветовал срочно отправляться в травмпункт. Тогда Чичай и предложил:

– Камарга, съезди с Нагибой. Ты всё равно нырять не умеешь, а мы ещё не накупались. Зря, что ли, такую даль шли?

С тех пор началась их дружба. Паша оценил надёжность Камаргина, а Коля... Коля начал думать. Думать и размышлять о человеческих взаимоотношениях, анализируя, стремясь понять поступки людей, объяснить те или иные действия. Поступок Чичая казался ему диким. Своеобразную логику в нём можно было найти – не смог друг Нагибы отказать от долгожданного удовольствия. Но если бросаешь друга в беде – разве это дружба? Он никогда не испытывал симпатии к этому парню, но после случившегося задумался – почему? Почему одни люди нам симпатичны, а другие раздражают? По их поступкам? Наверное, да: после пляжа ни он, ни Нагиба старались с Чичаем не общаться – предатель. Но почему некоторые люди вызывают негативные эмоции, ничего плохого лично тебе не сделав. Много позже, учась в институте, он вывел свой «закон Бойля – Мариотта»: мы относимся к человеку настолько хорошо или настолько плохо, насколько хорошо или плохо поступили по отношению к нему. Как сказано в Библии: возлюби ближнего, как

себя самого. Человек так устроен – больше всех любит себя. Совершая по отношению к кому-то добрый поступок, я вижу в нём своё хорошее, значит, и он хороший. А если кому сделал дурно? Но я не могу совершить плохого поступка, по определению. Это он вынудил меня так поступить. За что же мне его любить, что мне должно в нём нравиться? Но где-то очень глубоко совесть стучится «пеплом Клааса»: это ты сделал плохо, ты несправедливо поступил! А мозг никак не хочет с этим соглашаться, никак не хочет в это поверить, поэтому с каждым разом тот человек становится всё неприятнее, и отношение к нему всё хуже и хуже. При этом, заглушая справедливые укоры старомодной химеры, всё лучше относишься к принявшему от тебя добрую услугу, будь он хоть трижды мерзавец! Вот и выходит – наше отношение к людям напрямую зависит от наших поступков, совершённых по отношению к ним.

...Кокетливо передвигаясь в коротком накрахмаленном халатике, вошла ладная медсестра, установив в стойку ёмкость с физраствором. Капельницы Камаргин терпеть не мог. Уколы – куда ни шло. Но лежать с торчащей из тела иглой, ощущая, как в тебя медленно, «по капле», втекает инородная жидкость, было выше его сил.

– Может не надо?

Нагиба сочувственно посмотрел на друга:

– Надо, Федя, надо!

– Паша, что со мной?

– С тобой? Да что и со всеми: работа нервная, дел невпорот, спишь мало, ешь много...

– Ест он нормально, я слежу.

– Наташка пилит. И не спорь, по твоему замечанию вижу – пилишь. Вот и накопилась усталость. Тебе бы отдохнуть, но герои не отдыхают, герои начинают работать с утренней энергией! Однако организм оказался умнее, он тебе просигналил...

– Я ему говорила, возьми отгул!

– О чём я и говорю – организм просигналил.

Умение разрядить обстановку было у Нагибина врождённым.

– Чувствовал себя неважно в последнее время?

– Было немного.

– Немного! Усталость переросла в стресс, который плавно перетёк в обморок. Организм понял – с тобой, дураком, не договоришься, и начал спасаться сам!

– Павлик, у Коли инсульт?

– С каких пор искусствоведы употребляют медицинские термины? – и серьёзно, – нет. Но пока пусть полежит у меня: обследуем, дадим рекомендации, подлечим, и через месяц... Да шучу я, шучу. Раньше забереешь своё сокровище. Смотри-ка, улыбается! А раз больной улыбается, значит, он уже выздоравливающий. Пошли, Наталья, тебе пора.

Всё та же точёная спина, лёгкая походка, «королевская» посадка головы на красивой шее. Скоро пятьдесят, а выглядит... Отчего её присутствие так раздражает в последнее время? Что мне надо? Чего я вообще хочу от жизни?

– И за что тебе такое счастье выпало, Камарга, до сих пор не пойму? Как себя чувствуешь? Слабость есть?

– Небольшая, словно после гриппа.

– Это пройдёт. Тебе надо укрепить иммунитет. Как голова?

– Слушай, Нагиба, не ходи вокруг да около. Со мной что-то серьёзное?

– Обморок всегда серьёзно. Расскажи, как всё случилось.

– Ты не поверишь.

– Николай Сергеевич, вы о себе возомнили! Я за двадцать лет такого посмотрелся и наслушался.

– Знаешь, всё как-то странно. Я зашёл туда, и вдруг...

– Так не пойдёт. Начни с самого начала.

– С рождения?

– Шутник! Хотя бы с последнего месяца.

Сосредоточившись, вкратце поведал о нервотрёпке на работе, тупости шефа, выматывающих заседаниях.

– Элементарное переутомление.

– Паша, я в обморок упал не от этого.

– Интересно, от чего?

– Я с привидениями общался.

– О как! А подробнее?

– Не смейся.

– И не думал. Рассказывай, чего мнёшься? Мы друзья почти сорок лет.

– Я зашёл туда: сырость, плесень, настоящее запустение, до противности. Поднялся на четвёртый этаж. И стучать-то не хотел. Случайно вышло. И вдруг сразу – кто там? Я потерялся, а она дверь открыла.

– Прости, она – кто?

– Аня. Помнишь, в детстве я тебе рассказывал о Лещевских? У неё отец был лётчик, он разбился, они уехали, и я её больше никогда не видел. Так они там живут.

– Кто – они?

– Она и отец, может, и мать с ними, но это вряд ли.

– Стоп. С каким отцом, который разбился?

– Да.

– И от этого ты упал в обморок?

– Он когда меня по имени назвал, руку протянул, приглашая в комнату, я тут же мать вспомнил – всё, думаю, на тот свет зовут. Вот и грохнулся.

– Так он живой был или призрак?

– В том и дело – живой.

– Вы в показаниях не путаетесь, больной? Ты вроде вначале сказал – с привидениями общался.

– Это образно.

– Понятно. Дальше.

– А дальше я не помню.

– Всё? Так я тебя успокою. Ни с кем ты не общался. По-дошёл к подъезду, где и упал в обморок – сказалось нервное перенапряжение. Всё остальное тебе в обморочном состоянии причудилось.

– Да? – радости Камаргина не было предела, – но постой, я же с ними говорил.

– Ты и в детстве воображал, как с ней разговариваешь.

– Но тогда она была девочка, а я увидел взрослую женщину.

– Сколько лет прошло? В паспорт давно заглядывал? Естественно, она повзрослела. Её детский образ отразился проекцией в твоём подсознании. Согласись, было бы странно, открой тебе девочка восьми лет. Она в твоей голове тоже «выросла».

– Я о ней уже лет сто не вспоминал.

– Старик, да кто его знает, – костяшки пальцев простучали по темени, издав звук кастаньет, – что там происходит, минуя наше, так называемое, сознание.

– Так ты думаешь, это всё...

– Да! И выброси это из головы. Твой диагноз – переутомление, не более того. – И другим, нарочито официальным тоном, сохраняя маску важного медицинского светила, обратился к вошедшей медсестре: – Зина, мы закончили, начинайте. – Выходя, посмотрел на друга, весело прыснул, «не доиграв» серьёзности момента, – симулянт!

Капельница подействовала сразу. Силой воли пытался контролировать процесс, удерживая мысль в сознании, но под воздействием лекарства она множеством мелких ручейков растеклась по бесчисленным, нескончаемым лабиринтам мозга, отключая на своём пути все источники жизнедеятельности. Веки отяжелели, тело безвольно расслабилось, погрузив хозяина в глубокий сон.

* * *

Он вновь стоял перед этим домом!

Пружина тяжело поддалась. Залитые мягким, струящимся сквозь цветные стёкла, светом, лестничные пролёты с чугунными перилами огибали квадратный «колодец» подъезда. Ошеломлённый, медленно поднялся на четвёртый этаж, рассматривая изысканную лепнину на стенах и потолке.

Где я? Как всё это вместилось в малогабаритную «хрущёвку»?

Гулким эхом прокатился по этажам звук открывающегося замка. Дверь соседней квартиры на мгновение приоткрылась, выпустив сквозь щель вползшее в грудь бессознательное, сосущее под ложечкой неприятное чувство опасности. Квартира номер десять.

Подняв плечи, чувствуя на спине следящий взгляд, подошёл к «своей» двери. Нерешительно позвонил.

Открыла Юлия. Та, с которой учился в институте, которую любил, хотел жениться... Странно, прошло двадцать пять лет, а она ничуть не изменилась. Девушка посмотрела грустным взглядом матери – «почему?» – и просто сказала:
– Заходи.

8

– Как спалось? – с утра Нагиба был энергичен и бодр.

– Я опять там был.

– То есть?

– Тот же дом, подъезд другой, вместо Ани – Юля.

– У тебя в каждом подъезде по девчонке?

– Нагиба, мне не до шуток. Подъезд тот же, но... там всё по-другому.

– Странная у тебя реакция на лекарство. Обычно люди после капельницы спят крепко, без сновидений... Ты вчера не всё рассказал. Давай повторим. И начни чуть раньше.

Камаргин никогда не страдал косноязычием, зачастую подчёркивая это на различных заседаниях: «Слава Богу, Господь наделил меня способностью ясно выражать свои мысли» – мол, если до кого не дошло, не моя вина, сами, пардон, туповаты. На одном из совещаний его переспросили: «Николай Сергеевич, вы действительно полагаете – Господь наделил вас способностью ясно выражать его мысли?» Камаргин вначале не понял, но, «отмотав» свою фразу, рас-

смеялся: «А что вас удивляет? Всё от Бога, и мои слова лишь проводники его мыслей». Но себе признался – выглядел глупо, вычеркнув сей постулат из своей речи раз и навсегда.

Сейчас Николай Сергеевич не мог даже начать разговор. Всё запуталось. И дело не в его состоянии: лекарство хорошо «промыло» мозги – голова соображала чётко и ясно. Дело в другом: он не знал, с какого конца ухватить эту «нить Ариадны», как размотать спутавшийся клубок, не разрубить Гордиев узел, а распутать, пройдя по бесконечным лабиринтам памяти так, чтобы не только Пашка, но и он сам понял происходящее с ним.

Павел начал первым:

– Ты помнишь, как мы познакомились?

– Конечно. Ты порезал ногу на Амуре.

– Нет, тогда мы подружились. Познакомились раньше. Мы только переехали в новый дом, я вышел во двор и услышал, как кто-то поёт. Подошёл к вашим окнам и удивился: думал, девчонка поёт.

– А я?

– Назвал меня дураком.

– Почему ты вспомнил?

– Не знаю. Твой голос во дворе всем нравился. Многие не признавались, но нравился всем... А про пляж я помню. Как мы из травмпункта добирались. Километра два, наверное.

– Точно! Туда мы на автобусе доехали, а обратно на би-

лет не хватило. Потешная картина: «два бойца идут с передовой» – ты скачешь на одной ноге, обняв меня за шею, я кричу, волоку тебя, обхватив за поясницу.

– Ты полпути нёс меня на спине. Забыл?

– Забыл...

– Я ведь после того случая решил – буду хирургом.

– Как же «докатился» до психотерапевта?

– Экзема. От резиновых перчаток. Какой хирург с большими руками? Тогда для меня это трагедия была: не в терапевты же идти. Хотел вообще из медицины уходить, но подумал, присмотрелся к другим специальностям и понял: психотерапевт – тот же хирург, только скальпель у него – слово.

И пользы может принести не меньше.

– Отчего раньше не говорил?

– Зачем? Тебе своих проблем хватало, да и чем бы помог?

– Вроде мы друзья.

– Не люблю своими трудностями нагружать других. Тем более друзей.

– Слушай, я Чичая до сих пор не могу понять.

– Что понимать – тупой эгоист.

– Я не о том. Он был старше всех. Мог сообразить ещё кого-нибудь с нами отправить, втроём было бы легче.

– Он тебе завидовал.

– Мне?!

– Всегда хотел музыке учиться, группу создать, типа «Битлз». Ты вон как пел, а ему медведь на ухо наступил, вот и ре-

шил – пусть Робертино за всех отдувается.

– Никогда не понимал завистников, хотя... зависть – двигатель прогресса.

– Да брось! Прогресс – созидание. Он зиждется на трёх «Л»: лень, любознательность, любовь. Зависть – разрушение: у них этого больше, это лучше – отберём! Не получается отобрать – ломаем, опять построили – уничтожим! Первое убийство случилось из-за зависти: Бог принял дары Авеля, проигнорировав дары Каина. Зависть переросла в неуправляемый гнев. И неважно, по какой причине выбрали дары брата: может, он работал больше, старался лучше. Главное, тебя не оценили! Заметь, никто никогда не завидовал работе другого. Получаемому вознаграждению – да, но работе...

– Артисты! Они завидуют работе коллег.

– Нет, они завидуют таланту, успеху. Материальные ценности можно отнять. Человек будет за них бороться, но это не важно – он втянут в энергию конфликта. Цель достигнута. Но когда завидуют таланту! Как отнять голос? Как отнять доброту сердца, красоту? За сто лет заболтали Достоевского: красота спасёт мир. Какая красота? Для кого-то сейчас голые девки в Интернете – эталон красоты. Но разве это так? Красота – дар Божий. Ты некрасивых влюблённых видел? То-то и оно. Неважно, какая у них внешность. Они изнутри светятся, в них искра Божья горит. Как это допустить?! Вот и начинается зависть разъедать, как Сальери у Пушкина – до убийства. Все знают, в конце концов она уберёт самого завистника,

сожрёт изнутри, но люди ничего с собой поделывать не могут... Тут как-то привезли одного товарища с инсультом. Начинаем разбираться: что, как, при каких обстоятельствах случилось. Жена и поведала: полгода ждал назначение на должность, утром пошёл на работу, а там приказ – назначили «Семён Семёныча». Зависть, невысказанный гнев, insult! Человека элементарно «остановили», иначе таких дров наломать мог!

– А если бы высказал?

– Обрати он гнев вовне – довёл бы до инсульта другого, испортив свою карму поколения на три. Болезнь, как смерть: раз должна случиться в этом месте, в это время – не миновать. Жертвы могут быть разные – энергии болезни не важно, кто. Ей главное – найти выход!

– Какой же она нашла выход у меня?

– Это мы и пытаемся понять.

– Ты говоришь, зависть порождает злость. Не припомню, чтоб я завидовал... А если злость от тупости начальника, от непрофессиональных действий подчинённых? Как прикажешь реагировать? Молча сносить весь абсурд происходящего?

– Если ты прав – гнев не поселится в тебе.

– А что поселится? Любовь к невеждам?

– Хорошо, но почему ты так уверен в своей правоте?

– Потому, что истина одна.

– Ты нашёл ответ на библейский вопрос: что есть истина?

– Истина в правде.

– Да? Но ведь у твоего оппонента своя правда.

– Правда на то и правда – она одна.

– Ну, ещё великий Бомарше сказал: правда у каждого своя. Поэтому и точек зрения столько, сколько людей на свете, если не больше. Допустим, ты прав. Но ведь сейчас ты не будешь отрицать, что рассержен? Как можно быть адекватным в таком состоянии? Когда ты раздражён на ситуацию, ты уже в ней, она не подконтрольна тебе, ты не видишь всю картину. Поле боя можно лицезреть, лишь приподнявшись над ним. Кто прав, тот всегда спокоен, ибо чувствует уверенность внутри себя, будто его кто-то поддерживает. Этот Кто-то и есть Бог.

– Ты хочешь сказать, завистник живёт без Бога?

– А как ты думаешь, в зависти есть любовь?

– Нет.

– Бог – это любовь, если в человеке нет любви, значит, в нем нет Бога.

– А куда он делся?

– Это я и хочу понять. Куда ты спрятал своё божественное начало и когда это произошло?

Внезапно спесь покинула Камаргина, он вдруг сник и задумался.

– Паша, я устал. Давай отложим этот разговор.

– Это хорошо. Усталый человек меньше глупостей делает, больше думает. Давай отложим.

После второй капельницы спал без сновидений. К обеду пришла Наташка, принесла вареники, куриный бульон и его любимые мандарины.

– Звонил твой шеф... что ты сморщился? Передавал привет, просил не беспокоиться: у них всё по плану, он лично держит ситуацию под контролем.

Его «личный контроль» и порождает ситуации! Надо же всё свести, точно установить проекторы, выверить освещение, подобрать кадры, да так, чтоб не перепутать, всё синхронизировать с другими службами... Вдруг отметил: мысли пронеслись автоматически, без злости и раздражения, которые испытывал в последнее время, думая о Валерии Ивановиче.

– Пожелал скорейшего выздоровления, посетовав, мол, думал – у него давление серьёзное, поэтому тебя на совещание отправил, а вышло вот так. Знаешь, мне показалось, ему было неловко.

– Неловко спать на потолке.

– На потолке спать неудобно. А ему было неловко, но если тебя это раздражает, давай поговорим о другом.

– Как ни странно, не раздражает, но давай сменим тему.

– Я думаю, после выписки надо съездить отдохнуть, – увидев возражающий взгляд, тихо продолжила, – работа никуда

не денется, а жизнь...

– Я умирать не собираюсь.

– Надеюсь! Но жизнь, Коля, это не отсутствие смерти, это то, чем ты наполняешь себя, своё время, свою душу. И если в ней одна работа и нет радости...

– А если работа в радость?

– Значит твоя жизнь – это работа... а я?

– Наташа, я работаю для тебя!

– Странно... говоришь – всё для меня, но стоит мне чего-нибудь попросить, ответ один – «потом». Ты всю жизнь делаешь только то, что хочешь сам. И если работа у тебя на первом месте, значит тебе с работой лучше, чем со мной, – как ни старалась, не удалось незаметно промокнуть выступившие слёзы давно сдерживаемой обиды, – может, у тебя работой кто-то другой зовётся?

– Ты чего?

– Нет, ты скажи, скажи! Я пойму. Скандалов не будет, соберу вещи и уйду, не стану вам мешать! – Это было неожиданно и нелепо. – Чего ты смеёшься?!

После того случая с дядей Ваней он часто выходил из неловких ситуаций через смех. Но сейчас было действительно смешно.

– Как ты могла такое подумать? Я тебя люблю.

Улыбнувшись, Наташка посмотрела сквозь слёзы:

– Не хочешь никуда ехать, не надо. Но отгулы возьми, трудоголик. Кстати, отца я не стала волновать, сказала, ты в ко-

мандировке.

– Куда хоть отправила?

– В город-побратим Харбин.

Она ещё долго о чём-то говорила, передавала приветы от своих подруг, которые не оставили её в трудную минуту, спрашивала, что принести завтра: котлеты или пельмени, хотя нет, пельмени Пашка запретил – тяжёлая пища. Тогда она лучше принесёт свежавыжатый сок и больше фруктов, или, хочешь, салат из авокадо? Николай слушал в пол-уха, погружаясь в рождаемые глубинными воспоминаниями мысли.

Странная штука – память. Иногда помнишь всякую мелочь, а главное теряется, иногда наоборот – мелочи проходят, как песок сквозь сито. А после, когда они отчего-то начинают всплывать, понимаешь: это были и не мелочи во все. Я ведь именно после того случая с Чичаем думать стал. Не бездумно выполнять указания родителей и учителей, а рассуждать: отчего люди так поступают, а не иначе. Что двигает поступками? Почему говорят неправду? Выходит, Чичай нам добрую службу сослужил: Нагиба врачом стал, я задумался... так, задумался – до сих пор из этого состояния не выйду. Смешно.

– Коля, ты совсем меня не слушаешь. Устал? Заболталась я. Отдыхай. Завтра приду раньше, мы в пять выставку открываем.

На выходе обернулась.

– Вспомнила! Валерий Иванович просил вернуть ка-

кой-то документ. Сказал – ты знаешь.

– Я и забыл! Возьми в кармане пиджака.

– Нет уж! Я по твоим карманам лазать зареклась. Сам достаешь.

История тогда вышла скверная, но смешная. Смешно, правда, стало после, когда всё выяснилось. Игорёк Королёв – балагур, весельчак, дамский угодник (Бабник! Неразборчивый в своих связях бабник! Смотреть противно. Чтоб ноги его в нашем доме не было!), растерявшись от внезапно зашедшей за ним на работу жены, не нашёл ничего лучше, как сунуть записку от любовницы в карман Колиного пальто. В записке недвусмысленно говорилось о предстоящем свидании, «...жду там же, где прошлый раз! Целую, мой гномик!» (Королёв был невысокого роста). В качестве печати на записке красовался след окрашенных в тёмно-бордовую помаду пухлых губ. Вечером ничего не подозревающий Камаргин попросил жену достать из кармана пальто футляр с очками... Вначале – недоумённое молчание, затем – оплеуха, разорванная в клочки записка и тихое всхлипывание за закрытой дверью в ванной. Разбирались долго, пришлось приглашать «на очную ставку» Игорька. Тот божился: вышло совершенно случайно! Ну, простите, Наталья Фёдоровна, в мыслях не было вас обидеть! Хотите, Стеллу позвоём! Почему сразу – проститутка? Она порядочная женщина, одинокая. Ну и что, что замужем? Замужние тоже быва-

ют одинокие. Господи, да ни на что я не намекаю! Жену мою позвать? Нет! Жену не надо. Она-то чем виновата? Полностью с вами согласен: мерзавец, негодяй... нет, бабник – это слишком. Николай Сергеевич совершенно ни при чём. Да не просил я его передать эту записку. И Стелла не просила! Клянусь... конечно, вы правы, моим клятвам веры нет...

Наташка смягчилась на третий день, для «профилактики» не допуская к себе Камаргина больше недели. Коле было страшно даже представить последствия, имей эта записка хоть какое-то отношение к нему.

Улыбаясь от ставшего забавным случая (как прав его любимый Пушкин: что пройдёт – то будет мило), вытащил из кармана помятый конверт.

– Этот?

– Этот, этот. Не переживай, без помады! Скажи, я извиняюсь, – вглядевшись, нахмурился. – Нет, подожди, не то.

Все карманы вывернул по нескольку раз – другого не было!

– Где он может быть?

– Не волнуйся. Сосредоточься – и вспомнишь, конечно, если это не записка от Стеллы, или как там её.

– Наташа, не начинай... точно! В машине, в бардачке. Я его туда с вечера положил. Позвони Василию, пусть отнесёт.

Поцеловав жену у выхода, остановился перед окном,

непроизвольно помахав вслед зажатым в руке конвертом. После, недоумённо пожав плечами, вскрыл, достав сложенный пополам тетрадный лист. Четыре слова, написанные печатными буквами, привели в замешательство:

ВЕРНИ НЕ ПРИНАДЛЕЖАЩЕЕ ТЕБЕ!

Глава пятая

9

(Декабрь 1919 год)

Морозную тишину ночи изредка нарушали паровозные вздохи, да глухо доносимые сюда, на тупиковый путь станции с подходящим названием «Тайга», переключки часовых, выставленных у занятого чехами бронепоезда.

– Странный язык, господин полковник, не находите? Всё «пши», да «чши», словно змея шипит, – штабс-капитан старался согреться, постукивая подошвами сапог друг о друга.

– Помяните мое слово, Павел Витальевич, эти «змеи» нам ещё ту службу сослужат. Вам бы, голубчик, валенки надо раздобыть, путь не близкий.

– Надо, Константин Михайлович, – дыша в поднятый воротник потёртой шинели, офицер хоть как-то пытался согреть лицо, – да где их взять?

– Да, теперь много чего – где взять?

Жёлтый свет фонаря отбрасывал на утрамбованный сапогами снег ломаные тени: нижние чины перетаскивали артиллерийские ящики из мёрзлой «теплушки» в несколько саней. Полковник отвёл штабс-капитана в сторону.

– Павел Витальевич, я знаю вас давно: вместе прошли две войны и эту смуту, именно вам я обязан жизнью...

– Прошу вас, оставьте, Константин Михайлович.

– Послушайте, это важно. Вы человек, которому я полностью доверяю, на которого могу положиться. Как говорят наши заклятые друзья англичане – неразумно хранить все яйца в одной корзине.

– Мы и разгружаем «часть корзины».

– Полагаю, и эту часть надобно разделить. Вы же эти места хорошо помните?

– Как не помнить – здесь служить начинал под вашим началом.

– Вот-вот, – увлѣк собеседника в дальний угол железнодорожного тупика, где достал из планшета карту, – помните эту развилку?

– Так точно, там ещё...

– Тише, Павел Витальевич. На неё и свернёте, вместе с последней подводой, подпоручиком и двумя солдатами. Здесь, – согнув карту в три раза, обозначил место не карандашом – тонкой иглой, – место, где схороните груз.

– Виноват, это несколько в стороне от названной вами развилки. Скорее всего, я буду вынужден отклониться от обозначенной точки, сообразуясь с местностью.

– Не только вынуждены – должны. Эта карта – дезориентир, пустышка, которую вы будете «держат в секрете» ото всех. Но эту, – вынув из нагрудного кармана серебряный

портсигар, украшенный по периметру инкрустацией лавровых листочков, нажал на один из них. Под действием скрытой пружины открылось потайное отделение, отразив в отполированной изнутри до зеркального блеска крышке тусклый свет фонаря, – эту берегите как зеницу ока. Помните игру буриме?

– А роза упала на лапу Азора. Фразы, которые можно прочитать справа налево и наоборот.

– Да-с, и наоборот... Нанесите на эту карту, – он развернул сложенный вчетверо тончайший лист рисовой бумаги, – точное место методом Леонардо – зеркально. Помните три заброшенные пещеры? Это и есть ваша истинная цель. Держите, – полковник захлопнул портсигар, – это теперь, как говорят богом проклятые комиссары, ваш «мандат». После сокрытия груза замаскируйте всё так, чтоб следов не осталось... впрочем, вас учить не надо.

– Что с исполнителями?

– Солдаты уверены – в ящиках оружие. Но, случись что, действуйте по обстоятельствам – свидетелей быть не должно. Извините, но должен предупредить: ни грамма из тех ящиков не берите.

– Этого, Константин Михайлович, могли не говорить.

– Не обижайтесь, голубчик, мог бы, да ответственность высока. И золото это ещё никому счастье не принесло... Но это к слову. – На снегу промелькнула тёмно-синяя тень одетого в бекешу человека. Внимательно осмотревшись

по сторонам, понизив голос, полковник продолжил, – встречаемся через две недели в Красноярске. Адрес знаете. Жду не более пяти дней. Далее – в Иркутске, по той же схеме. Пароль помните?

– Как всегда – бубны. Если и там не встретимся?

Скрип снега выдал скорые шаги подошедшего рослого офицера в ладно сидящей бекеше, с висящим на спине башлыком.

– Господин полковник, всё готово. Прикажете отправляться?

– Не спешите, ротмистр. Ещё раз проверьте надёжность крепежа, постройте людей. Я буду через минуту.

Коротко козырнув, офицер энергично направился к обозу.

– Вы правы, всякое может статься...

– По-хорошему, Константин Михайлович, проводник нужен.

– Есть у меня надёжный проводник – таёжный охотник, но дать его вам, к сожалению, не могу... Что ж, если разминёмся, пробирайтесь на Восток. И, прошу вас, предельно осторожно, не пересекайтесь с чехами. Да и наших лучше обходить стороной. Помните: о том, что лежит в этих ящиках и, главное, где лежит, знать должны только вы и я.

Подойдя к обозу, приказал ротмистру сдать команду штабс-капитану. Возникшие возражения пресёк жестко, напомнив, кто командует операцией.

– Ротмистр Снегирёв, вы остаётесь здесь! Это приказ!

Метнув на штабс-капитана недобрый взгляд, Снегирёв прошипел сквозь зубы: – Слушаюсь.

– Вот и славно. Горшков, ко мне! Трогай, ребята! С Богом.

10

В том трагическом ледяном походе, в который зимой двадцатого года вступила деморализованная, неспособная вести активные боевые действия, армия Верховного правителя России, Павлу Витальевичу выпал свой маршрут – ни легче, ни тяжелее, чем у других, но обособленный, полный опасности и лишений, путь гонимого одиночки.

Глубокой ночью, подъезжая к развилке, хорошо знакомой по прежним годам службы, приказал подпоручику придержать лошадей, и на вопрос: окликнуть ли остальных, коротко ответил: – Нет, отсюда двигаемся самостоятельно. – Сверившись с картой, уверенно указал на поворот, приказав подпоручику и двум нижним чинам следовать за ним. Отъехав вглубь леса, издалека услышал донесённый ветром приглушённый голос полковника: «...фельдфебель, запиши, пятая дорога», подумав: не просто так Константин Михайлович даёт столь точные указания – вновь составляет для непосвящённых задачку, готовит новую «пустышку» – ложный след.

Их давняя совместная служба с годами переросла в доверительные отношения: оба не раз выручали друг друга, выказывая смелость, решительность и особое умение принимать парадоксальные, неожиданные решения в сложных ситуациях. Сейчас, с трудом передвигаясь по глубокому снегу, укрывшему еле заметную в тусклом свете фонаря колею, вскоре и вовсе растворившуюся среди разросшихся деревьев, Павел Витальевич думал о целесообразности задания. Первый раз у него возникли сомнения в полученном от Константина Михайловича приказе. Скорее, отгоняя назойливые мысли, чем спеша выполнить сомнительный приказ, подгонял солдат, ведущих под уздцы фыркающих, устало мотающих головами лошадей.

– Неуютно как-то, вам не кажется?

– Когда кажется, Евгений Николаевич, креститься надо. Кстати, вон и заброшенный скит, можете совершить молебен.

Подпоручик не обиделся. Наивный вчерашний юнкер старался походить на кавалера трёх «Георгиев», храброго офицера...

О смелости Павла Витальевича ходили легенды. В пятнадцатом году вместе с полковником производили рекогносцировку местности, передвигаясь вдоль линий немецкой обороны в трофейном автомобиле. Увлёкшись, заехали вглубь вражеских позиций. Внезапно мотор «зачихал», машина дёр-

нулась и заглохла. Все попытки шофёра оживить «проклятую технику» результата не дали, германцы приближались с трёх сторон. Необходимо было срочно что-то предпринять. Это потом полковник со смехом рассказывал курьёзное происшествие в штабе, а тогда!

В лице Павла Витальевича вдруг неувовимо что-то изменилось – ну, немец и немец! Быстро вытащив револьвер, ничего не объясняя, наставил его на полковника. Громко, чётко и отрывисто скомандовал по-немецки: я офицер такой-то части, возвращаюсь с секретного задания, со мной пленный русский полковник (Константин Михайлович включился в игру моментально: убрал руки за спину, сидел насупленный, будто связанный), – очень важная персона. В форму неприятеля, как вы понимаете, переоделись для маскировки. Приказываю помочь завести автомобиль – толкайте! Его напор и холодная уверенность сработали. «Benz», ощутив прикосновения соплеменников, завёлся с разгона. Когда неприятель опомнился, было поздно. Выскочили тогда чудом.

...Один из солдат объяснил – Староверы поставили. Откуда знаю? Так местный я, из Никольской.

– Если местный, должен понимать – в тайге рот открывать надо реже, она тишину любит.

К рассвету уставшие, голодные добрались до искомого места. Разрешив недолгий отдых, углубился выше по склону.

Развязав заплечные мешки, солдаты захрустели сухарями, предложив угоститься подпоручику.

После ночи лес оживал, наполняясь звуками своих обитателей. С высокой сосны неприветливо «поздоровался» ворон.

Раскаркался, старый дурень! Сиди тихо, не высовывайся, целей будешь, – посмотрев вверх, упёрся взглядом на вход в знакомые пещеры, – однако, спасибо! Далековато таскать, но делать нечего. Приблизившись, определил – две завалены «намертво», в третью лаз был настолько узок, что усомнился – пройдут ли ящики. Согнувшись в три погибели, втиснулся внутрь, запалил оставленный им же пятнадцать лет назад факел, осмотрелся. Ничего не изменилось – та же мёрзлая звенящая тишина, та же могильная сырость. Через несколько шагов распрявился в полный рост – чем дальше, тем просторнее становился свод, на котором вырастала, надвигалась, поглощая в себя своего владельца, изогнутая тень. Отметку нашел не сразу – нацарапанный битым кирпичом «ромб» бубновой масти, один из углов которого, исполненный в виде стрелы, указывал нужное направление у разветвления, потускнел, сливаясь краской с цветом стены.

Направо пойдёшь – коня потеряешь, налево – голову сложишь. А прямого пути нет!

Отсюда пошёл увереннее, двигаясь вглубь, где пещера уходила вниз, заканчиваясь широким ровным выступом. Там и определил место для груза. Выйдя наружу, вздохнул

полной грудью, всем существом оценив дурманящую прелесть воли.

– Подпоручик... – учуяв запах табачного дыма, осёкся, – кто курил?

– Я разрешил, солдаты озябли, хотелось хоть как-то согреться.

Этот преданный, щенячий взгляд! Не вышло из вас, господа юнкера, воспитать боевых офицеров, не успели. Загубили, сволочи, Империю! Как идти в бой с этим мальчишкой, когда он и приказы толком отдавать не умеет, и знаний у него...

– Впредь прошу в лесу не курить, огня не зажигать! Оставайтесь неразлучно при грузе! Авдеев, Кондаков! Ящики нести за мной след-в-след. И помните: одно неверное движение – разнесёт всех к чёртовой матери!

С первым ящиком возились долго: никак не могли втащить – застревал углами в узком проходе. Мешали винтовки, обузой висящие на спинах, длинные четырёхгранные штыки царапали низкий свод, принуждая солдат пригибаться. Наконец, с горем пополам, впихнули. Донесли до места, где распорядился оставить оружие – сейчас оно ни к чему. К третьему ящику приноровились. Тем не менее, весь груз перетаскивали долго, матерясь сквозь зубы, обливаясь потом, сбивая сапоги об острые камни.

– Дружней, ребята, закончим дело – отдохнём! – Скомандовал, как попросил, лично поправляя и выравнивая ящики,

наноса на каждый определённые отметки.

Заноса предпоследний, уже в пещере Кондаков споткнулся, выпустив ставшую невероятно тяжёлой из-за накопившейся усталости, ношу. Ящик грохнулся на камни, с треском разломившись, заставив солдат отпрянуть в стороны: были уверены – внутри боеприпасы. Когда в свете факела блеснули вывалившиеся под ноги слитки, Кондаков опешил. Трясущейся от усталости и возбуждения рукой поднял гладкий брусок. Золотой свет проник через глаза внутрь, помутив разум, зачернив душу. Он никогда не видел такого богатства, и тут – нате вам! Вот оно, само в руки пришло, надо всего лишь удержать, цепко, не разжимая пальцы! Присев, зачерпнул горсть рассыпавшихся монет. Тускло поблескивающий металл завораживал, опьянял, увлекая за собой в бездонную пучину безумства. А если и в других ящиках золото? Как это всё унести? Отчего так кричит штабной? Образованный, а не понимает – тут на всех хватит. А при чём здесь они? Почему я должен с кем-то делиться? Положить здесь всех, и дело с концом.

– Встать! Смирно! Кондаков, приказ не слышал?!

– Кончились твои приказы, ваше благородие! Отойди от греха подальше! Хватит, навоевались!

Привычным движением потянулась рука к ружейному ремню. Не тут-то было, неспроста, видать, ушлый капитан велел винтовки у дальней стены поставить. Сука, обезоружил, а сам наган вытащил. Неужто Антип меня заарестует?

Вот дурень! Точно, когда успел винтовку взять? Раскомандовался, увалень деревенский!

– Встать! Пошёл!

Злой взгляд скользил с золота на офицерский наган, на Авдеева, вновь возвращаясь к золоту. Не удалось...

– Дурак ты, Антип! Тут же... – пришлось нехотя подняться.

– Топай, Кузьма, топай! – слегка подтолкнув сослуживца штыком, резко развернулся, со всей мочи ударив офицера прикладом под дых. Согнувшись, тщетно пытаясь схватить ртом воздух, вцепился в приклад, но удар сапогом в лицо от подскочившего Кондакова повалил навзничь.

– Умолк. Что будем делать?

– Как что? Берём всё, и уходим!

– А второй?

– Этого завалили, того и подавно, – золотая лихорадка перекинулась на Авдеева. Прислонив винтовку к стене, жадно рассматривая монеты, цокая языком, беспрестанно повторял: – сколько здесь всего, сколько всего?! Нет, ты посмотри, сколько золота! Сейчас порешаем щенка, погрузим всё обрат-но – и домой! На всю жизнь хватит! Сколько всего...

– Ты Антип, как был дурак, так дураком и помрёшь! Ну, вынесем, погрузим, офицерика к праотцам отправим. А дальше? Как схоронить всё, и где? Куда ты это вывезешь?

– А как быть-то, Кузьма?

– Здесь оставим, до лучших времён! Место запомним –

у него карта имеется, а когда всё уляжется...

– Это когда будет.

– Скоро. Комиссары, вишь, как прут! Через год вернёмся, и всё вывезем, по-тихому.

– Ты чего это винтовку взял?

– Чего, чего? Ничего! Тащи ящик к остальным, я за их благородием присмотрю.

Одному справляться с тяжелым грузом трудно и неподручно. Кряхтя, чертыхаясь и тихо матерясь, потащил разломанный ящик вглубь пещеры, не уследив, как Кондаков сунул часть рассыпавшегося золота в заплечный сидр. От отчаянной беспомощности мгновенно завладеть свалившимся богатством проснулась классовая ненависть: злым пинком привёл офицера в чувство.

– С этим что делать?

– Так пристрелить придётся.

Звук передёрнутого затвора заглушил шорохи у входа.

– Павел Витальевич, отчего так долго?

– Тихо! Загороди золотопогонника. Всё нормально, господин подпоручик!

Держа револьвер в руке, Евгений продвигался почти наощупь – со света глаза плохо видели в темноте. Освоившись, наткнулся взглядом на чёрный «зрачок» винтовки.

– Что происходит?

– Не шуми, ваше благородие, сейчас либо мы вместе, либо каждый своей дорогой: мы на волю, ты на небо. Гляди, –

поддев носком сапога мешочек с оттиском двуглавого орла на грубой материи, подтолкнул к подпоручику и, взяв оружие наизготовку, опёрся о стену, – только левольверик Антипу отдай, от греха подальше.

В опасных ситуациях оружие следует передавать медленно и аккуратно. Аккуратно, потому как люди нервничают, могут тебя неправильно понять и ненароком выстрелить. Медленно – выиграть время для принятия единственно правильного решения. Кто же золотом не заинтересуется? Кто устоит перед блестящими кружочками? Вот я и присяду, потянув за собой жадного Авдеева. Ух, как глаза горят, ярче монет! Держи «левольверик»... правильно, не спускай с меня глаз, чего я тут могу учудить? Сейчас мешочек развяжу... кто ж тебя, каналью, так завязал... хорошо, теперь главное – монеты пересыпать в левую руку. О! какой я неловкий, упустил несколько сквозь пальцы. Ну, давай, Авдеев, подбирай.

Расчёт был верен.

– Аккуратнее, господин подпоручик! – суетливо, сглатывая сухую слюну, подбирал корявыми пальцами драгоценные кругляшки.

Вот и результат: Кондаков переместил внимание на сослуживца – не съёт ли поделник золото по карманам? Пора! Женя подмигнул Павлу Витальевичу, внезапно высоко подбросил одну из монет, громко спросив: – «Козыри по-прежнему бубны?» и, резко упав на землю, перекатился в сторону Кондакова. Авдеев вскочил, но в тот же миг получил

от штабс-капитана толчок ногами в спину, потерял равновесие, налетев на штык упёртой в стену винтовки в руках Кондакова. Перекатившись ещё раз, подпоручик подхватил выскользывающий из руки не успевшего ничего понять Авдеева револьвер, уперев ствол в горло опешившего Кузьмы. Всё было кончено за минуту.

– Не убивайте, Христом Богом прошу, бес попутал! Верой и правдой отслужу, – выпустив из рук винтовку с нанизанным на длинный штык, словно бабочка на булавку, сослуживцем, грохнулся на колени.

Наверное, можно было и без этого, но нервы сдали: распухшая щека саднила, рот наполнился противным кислым привкусом крови. С силой потянув за грудки, поставил на ноги, с размаху, без удовольствия двинул в челюсть.

– Павел Витальевич, зачем?

– Он знает, зачем и за что. Спасибо, подпоручик!

– Ничего-с, ваше благородие, – сплюнув кровью, вытер разбитую губу, – господин штабс-капитан правы-с, бес попутал.

Расстегнув шинель, ощупал живот, противно ноющий после удара, подошёл к лежащему на боку Авдееву, взявшись правой рукой за приклад, перевернул на спину.

– Давно догадались?

– Сразу. Глупо прятать в тайге оружие, когда его не хватает на фронте.

– Отчего молчали?

– А что было говорить?

– Действительно, – ухватившись двумя руками за шейку приклада с силой потянул: тело дёрнулось, искажившая лицо предсмертная судорога разгладилась, выпустив струйку алой крови из приоткрытого рта.

– Надо его предать земле.

– Об этом месте никто не должен знать. Похорони мы его рядом с пещерой – след. Тащить отсюда – вымотаемся и, опять-таки, наследим. Есть ужасно хочется. Слушайте, Женя, у вас нет с собой сухарей, что ли?

– Кондаков, сухари остались?

Солдат услужливо потянулся к мешку.

– Ладно, – осторожно потрогал лиловый кровоподтёк на лице, – потом. Кондаков! Ступай за подпоручиком, принесёшь последний ящик.

Не удалось без осложнений! Хорошо, хоть предпоследний уронили, так бы пришлось с Евгением таскать «до второго пришествия». Сложив оставшиеся слитки в разбитый ящик, достал портсигар – сделать необходимые отметки.

– Господин штабс-капитан, куда его, к остальным?

– Нет, – выстрелом прозвучал звук захлопнутого портсигара в гулкой пещере.

– Не знал, что вы курите.

– Это так... сувенир на память. Ящик положите около развилки, в нём динамит. Кондаков, оттащи Авдеева ближе к выходу, а вы тяните запал, – извлечённый из ящика бик-

фордов шнур закрепил на одном из кусков динамита, отправившись следом, проверяя целостность шнура на каждом повороте.

– Павел Витальевич, как будем маскировать вход?

– Никак. Мало кто полезет в пещеру с таким сторожем.

У вас есть спички? Хорошо. Мы отойдём к лошадям, запалите шнур и присоединяйтесь.

Евгений извёл почти весь коробок: бесполезно – спички отсырели. Тогда и вспомнил об оставленном в пещере солдатском сидре – в нём наверняка должны быть. Вернувшись, прихватил на удивление тяжёлый мешок, уже на выходе столкнувшись со штабс-капитаном.

– Что случилось?

– Спички отсырели.

– А в пещеру зачем возвращались?

– Думал, у солдат в вещмешке есть.

– Бросьте, если есть, тоже отсырели. Чёрт, время уходит!

Спускайтесь к Кондакову, мне пришлось его связать, я сейчас.

Проводив взглядом подпоручика, бежавшего по утоптанному снегу к лошадям, вынул из револьвера два патрона, положил на землю, ударив по гильзам камнем. Высыпав порох на срезанный под углом бикфордов шнур, поджёг, высекая искру кремнем, от чего тот занялся шипящим огнём, золотым блеском искорок отразившись в остекленевших глазах Авдеева. Лёгким касанием закрыл веки усопшего, с грустью

вспомнив слова полковника: никому ещё это золото счастья не принесло.

Приглушённый взрыв заставил инстинктивно пригнуться на середине пути к лошадям.

– Слава Богу! Задание выполнено, теперь до своих добраться, а дальше...

* * *

Выехав на дорогу, повернули в сторону станции. Вдруг, вдалеке, между деревьев, увидели вооружённый отряд.

– Наши?

– Не знаю. Остановитесь, тпру! Бережёного бог бережёт.

Всадники их тоже заметили, перейдя с марша на рысь, оголив шашки, отсвечивая алыми лентами на лохматых папах.

– Партизаны! Разворачивай, живее!

Тяжело и часто раздувая впалые бока, топчась на месте, лошади приседали на задние ноги, вращали налитыми кровью глазами, с трудом разворачиваясь на узкой дороге.

– Развяжите меня! – Кондаков молил дать в руки оружие.

С горем пополам развернув лошадей, прыгнул в сани, взмахнул вожжами, приказав подпоручику освободить солдата.

– Стрелять только наверняка! Но-оо! Пошли, родимые, пошли!!!

Тревожное настроение передалось животным, они дёрнули – и понеслись. Пули засвистели над головами. По всему, лошади преследователей были свежее – отряд быстро нагонял беглецов: уже можно разглядеть искривлённые азартом погони бородатые лица; всё громче впечатывается в слух топот копыт, казалось, вот-вот, и впереди скачущие обрушат шашки на головы колчаковцев.

– Патроны кончились! – с досады Кондаков бросил винтовку на дно саней.

– Перехвати вожжи! – поменявшись местами, штабс-капитан уложил из нагана вырвавшихся вперёд преследователей.

– Давай, родные, выносите, милые! – Кузьма неистово стегал по лошадям. Все понимали – спасения ждать неоткуда. Внезапно, с левой стороны, послышалось громкое гиканье и залихватский посвист. Непонятно откуда появившаяся казачья сотня стремительно бросилась наперерез, бешено размахивая сверкающими клинками. Под свист пуль офицеры проскочили сквозь них, не веря в спасение и, лишь отъехав на порядочное расстояние, остановились.

– Тпру! Стой! – Евгений потянул за поводья, – слава богу, ушли.

– Повезло! Эй, воин, чего к крупу припал? Всё кончено, – тронутый за плечо, Кондаков повалился навзничь: пуля, угодив в затылок, вышла через нос, превратив лицо в кровавое месиво.

– Отвоевался, бедолага, – поморщившись, Евгений отвернулся от неприятного зрелища, – Господи, не приведи смерти такой!

– Да, не повезло... а может, и к лучшему.

– Павел Витальевич, у вас кровь.

– Где?

– На левой руке, выше локтя.

– Всё-таки достала партизанская пуля! – Разоблачившись, понял – рана неопасная, пуля прошла по касательной, но перевязать надо. Вот и Кондаков пригодился, вернее, его нательная рубаха. – Туже вяжите, ещё. Спасибо. Кстати, как насчёт перекусить? Знаете ли, странная особенность моего организма – после боя всегда зверский аппетит нападает, ничего не могу с собой поделать!

– Посмотрите в вещмешке, – Женя снегом очищал ладони от крови, – у солдат должны быть сухари.

Притянув мешок, удивился его тяжести – золото в нём, что ли? Подумал и осёкся. Развязав тесёмки, присвистнул: – Хорошие сухари, дорогие!

– Что?

– На кой чёрт вы взяли этот мешок?!

– Я думал, в нём спички. И как сейчас быть?

– Уходить надо! Что вы делаете?

– Распрягаю.

– Зачем? – подойдя к дрожащим лошадям, погладил по морде одну, потрепал по загривку другую, – они еле на но-

гах стоят. Загоним. Оставьте бедных животных в покое, они-то уж точно ни в чём не виноваты.

– Как же мы к своим доберёмся?

– Да никак. Нет у нас, Женя, своих. С этим грузом нам теперь все чужие. Вот и будем, по вашей милости, болтаться, как «Летучий Голландец» без порта приписки – ни оставить, ни спрятать, ни до пункта назначения донести.

– И куда мы теперь?

– В Красноярск.

Глава шестая

11

Он давно отвык вскрывать почту сам. В большинстве случаев с этим примитивным делом феноменально справлялась Юленька: поддевала конверт длинным ярко-красным ногтем – вжик, и готово! «Правительственную» вскрывал декоративным книжным ножом, с удовольствием вслушиваясь в хрустящий звук испаряемой бумаги. Разрывая этот, испытал лёгкое раздражение: рваными зигзагами недонадорванная узкая полоска болталась сбоку конверта. Несколько раз прочитал абсурд, написанный бесцеремонно, с вызовом. Да это шутка! Но кто? Зачем-то поднёс письмо к носу – никакого запаха. Ни штемпелей, ни почтовых отметок. Щурясь близорукими глазами, посмотрел на свет. Ничего. Пустышка. Не стоит обращать внимания. Выпишусь, найду шутника, вместе посмеёмся! Как ни хорохорился, нехорошее предчувствие поселилось внутри, молоточком, словно архаичный телеграфист, отстукивая в висках: верни не принадлежащее тебе, верни не принадлежащее тебе, верни... Умиротворение (результат неспешных рассуждений с самим собой) улетучилось, уступив место нарастающему беспокойству.

Подумать только, пролежало в кармане три дня, я о нём

ничего не знал, и всё было хорошо. Ведь оно существовало, а я был спокоен, потому что не знал. А если бы не прочитал? Не вспомни Наташка о другом письме, я бы это не достал! Отчего я задёргался и разволновался? Бумажка никчёмная! Выбросить, и дело с концом! Но что вернуть-то? И кому?!

* * *

Если бы кто-нибудь в далёких семидесятых предсказал Лёньке Нестерову предначертанное ему священнослужительство, он бы оскорбился, несказанно удивившись. Студент Дальневосточного университета, комсомолец, без пяти минут дипломированный физик, променяет науку на мракобесие, став служителем культа, распространяющим опиум для народа? Ни за что и никогда. Но кто и когда спрашивал человека о его намерениях. Нет, здесь, на грешной планете – понятно. Иногда спросят, реже выслушают, для приличия изобразив вид заинтересованно-вникающих. И советы дадут. А как без них. На то и страна Советов. Но ТАМ... Как говорится – хочешь рассмешить Бога, расскажи ему свои планы. По всей видимости, ТАМ на Нестерова были свои виды, в конце семидесятых с его планами не совпадающие. Но пути Господни неисповедимы. По ним-то, в конечном итоге, и пришёл недоучившийся физик к религии. Точнее, к вере. Как впоследствии сам не раз говорил: религия – ещё

не есть вера, а вера – не всегда религия.

Обычно из Владивостока в Хабаровск Лёнька ездил плацкартой: купейный вагон для студента расточительная роскошь. Поездки эти терпеть не мог. Тесно. С верхних полок в узкий проход свисают босые ноги; недосушенное, пахнущее плесенью бельё; шелест разговоров, свистящий храп и грохот тамбурных дверей; запах холодной курицы, дешёвого чая и вагонного сортира; вечно раздражённая проводница. Всё это – плацкартный вагон: цыганский табор, вобравший в себя «все национальности» необъятной родины. Когда получалось сэкономить, Лёнька предпочитал добавить рубль двадцать к плацкарте, обеспечив себе человеческие условия в вагоне «первого класса», нежели к добавке сомнительного вкуса обеда в университетской столовой.

Той зимой сэкономил. В купе ехали вдвоём (бывает такое везение) со странным, бедно, но опрятно одетым мужичком, который, казалось, способен предугадывать любые Лёнькины действия и желания. После Угольной попутчик вышел в коридор, позволив студенту переодеться без свидетелей (под свитером рубашка со штопаными локтями, которых Лёнька стеснялся). Не успел молодой человек подумать об ужине, мужичок, мягким голосом подозвав проводницу, заказал два чая, за которым ненавязчиво начал разговор о том, о сём: чем занимаетесь, хотя и сам знаю – студент. Домой на каникулы? Понимаю, понимаю. Один с мате-

рю живёте? Да, да, сейчас, к сожалению, семейные ценности пришли в упадок, нет той крепкой семьи, которой некогда славилась Россия.

Лёнька терялся в догадках – попутчик «читал» его, словно открытую книгу. То, что студент – по одежде видно, что на каникулы едет, понятно – семестр закончился. Но как узнал, что без отца живём?

– Рубашка у вас на локтях штопаная – выходит, нуждается (глазастый – рубашку на вешалке разглядел). И тут два варианта: либо отец пьёт, тогда зачем вам ехать домой – лишний раз с пьяным общаться? Либо его нет, и купить вам новое мать не в состоянии – вот и заштопала, вспомнив своё военное детство. Отец бы штопаных локтей у парня не допустил.

Тоже мне, Шерлок Холмс. Часом, не из конторы ли он? Да нет, те не так одеваются, не так себя ведут. Он знал это по гэбэшнику Ивану Николаевичу, курировавшему университет. Тот изредка приходил на студенческие собрания, после «приглашая» некоторых ребят на индивидуальные беседы, по окончании которых кто-то замыкался в себе, кто-то, наоборот, становился развязным, по-хозяйски, свысока поглядывая на сокурсников – стучал. Этот не такой. Но в душу вползает профессионально: хочешь – не хочешь, слово за слово разговор поддерживаешь.

– Вот вы на кого учитесь? На физика? Понятно, понятно. Значит, материю изучаете. А из чего она состоит, эта мате-

рия? Согласен, из атомов. Да, да, нейтронов, протонов. Это всё наукой доказано. А человек из чего состоит? Из воды? На восемьдесят процентов, говорите? И тут с вами не буду спорить, хотя вы правы, мы и не спорим вовсе – беседуем. Так, значит, из воды. Скажите на милость, вода может мыслить, чувствовать, существовать? Нет? Слышали о японских опытах замораживания жидкости под определённые музыкальные звуки? Жаль. Под воздействием различных музыкальных звуков капельки воды принимают совершенно разные формы снежинок. Японцы доказали – у воды есть разум! Но откуда он? Предположим, вода может запоминать – значит, она обладает памятью? Понятно, понятно. А человек – это вы мне сказали – на восемьдесят процентов состоит из воды, значит, и наше тело, отдельно от нашего разума, может запоминать? А кто может запоминать – может мыслить. Но если мы, опять-таки, предположим, что тело может мыслить без участия нашего мозга, то чем же оно мыслит? Той самой водой, т.е., конечно не водой – жидкостью, что нас наполнили. Кто, спрашиваете, наполнил? Творец. А имя той жидкости как? Понятно, понятно, не задумывались. А имя ей – душа. Вот она и запоминает, и мыслит, и без неё человеку не жить.

Тут Лёнька и догадался, с кем имеет дело. Поп! Не принято было в те годы священнику в рясе по улицам передвигаться – гегемон не одобрял. Поэтому и облачались в ризы только во время церковных служб. Нестеров тогда спорить

не стал – говорили на «разных языках». Да и как спорить, не зная предмета: закон Божий в школе не преподавали, Научный атеизм он посещал через пень-колоду.

– Обратите внимание, чем заканчивается Евангелие? Не читали? «Придёт конец света, когда вся земля будет опутана проволокой, когда поля будут пахать на огромных железных конях, и по небу летать железные птицы, из недр коих выходить люди».

– Простите, но это бред какой-то! Железные голуби!

– Не голуби, а птицы. Разве сейчас самолёты не летают и люди из них не выходят? Разве на железных тракторах не пахут? Посмотрите, хоть и ночь за окном – столбы электропередач отчётливо видны: то подпорки под проволоку, которой всю землю опутали. И где здесь бред?

– Откуда автор узнал про всё это?

– Книга так и называется – Апокалипсис.

– Конец света, что ли?

– Апокалипсис с древнегреческого переводится как откровение. Дано было свыше благословение любимому ученику Христа – Иоанну Богослову – заглянуть в тайну тайн. И позволено написать.

Ночью Лёнька проснулся от тишины – поезд стоял на станции, прервав на время убаюкивающий ритм колёс. Перевернулся с боку на бок, потом ещё и ещё, не находя места от ворочающихся в голове мыслей. Священник вышел

в Спасске-Дальнем, оставив студента-физика с бессонницей до утра. «Найду и прочитаю этот Апокалипсис».

Найти оказалось проще, чем думал. Сколько ни читал, ничего подобного, рассказанного попутчиком, не нашёл. Но прочитанным захотелось поделиться: во-первых, интересно, во-вторых, всё понять – одной головы мало. Пооткровенничал с соседом по комнате... На следующей неделе вызвал Иван Николаевич, как следствие – заседание бюро, исключение из комсомола. Итог – приказ об отчислении: «За аморальное поведение, недостойное молодого строителя коммунизма».

И это в конце четвёртого курса! Куда теперь идти? Никуда. За ним сами пришли. Серый тонкий листок, потупив «бегающие» глазки, вручил паренёк с продажной улыбкой (пятьдесят повесток разнесёшь – отсрочку получишь). Верующий ты, не верующий, а священный долг Родине отдать обязан. И загремел Леонид Александрович Нестеров в армию под самые фанфары – ввод Советских войск в Афганистан. Злой тогда был на всех! Но отчаянно на своего товарища по комнате – Андрея Лунёва: как же так? Кров, пищу делили, четыре года бок-о-бок прожили, семь сессий сдали, а человек гнилым оказался! Со злости добровольцем записался – в первый год ещё спрашивали, это уж потом – приказом гнали.

Что и как там было, никогда никому не рассказывал. Толь-

ко мать, по возвращении его, тихо плакала в подушку, прислушиваясь к ночным вскрикам сына.

– Сынок, я не спрашиваю, что там было. Не рассказываешь, значит, так надо. Счастье, что живым вернулся. За это Её благодарить надо. Я ведь каждый день в церковь ходила, на коленях вымаливала Деву Марию: Ты – мать, и я – мать! Пойми, помоги! Ты знаешь, как больно сына потерять, не допусти, верни моего Лёничку здоровым и невредимым. Один он у меня. Как видишь – помогла. Сходил бы ты в церковь, сынок, глядишь, полегчает. Сил нет смотреть, как по ночам изводишь себя... и меня.

С того дня и началось его погружение в веру. Долог был путь Лёньки Нестерова к отцу Иннокентию. Долог, но верен. И сейчас, вспоминая иногда ту зимнюю поездку, с особой благодарностью думал о безвестном священнослужителе, который в запретные годы не боялся, пусть по-своему, несуразно и неказисто, но искренне, нести слово Божие.

Вера отца Иннокентия была крепка и непоколебима, беда была лишь в том, что принимал он всё близко к сердцу, переживал за паству, за приход, за происходящее вокруг. Такова натура – не мог равнодушным быть. А сердце – не мотор, ему иногда и отдых нужен.

В палату отец Иннокентий не вошёл – вкатился. Сказать,

что он был толст – ничего не сказать. Невысокий, на крепких ногах, с широкой грудью и прочно посаженной большой головой на короткой, скрываемой окладистой бородой, шее, объём живота имел – воздушный шар! На укоризненные взгляды Владыки отшучивался: так то – вода, человек на восемьдесят процентов из неё состоит. За добродушный, незлобивый нрав любили его в Епархии, смотря сквозь пальцы на некоторые «шалости»: мог за недостойное поведение хулигана из церкви за ухо вывести, но это редко, это когда человек позволял совсем непристойно себя вести. И с паствой общался больше не проповедью, а задавая вопросы, стараясь не слепую веру в прихожанах поддерживать, напротив, поселить сомнение, и уже через него к истинной вере привести, коя для него воплощалась в милосердии, справедливости и любви.

– За что лежишь, сын мой?

– Как это, за что? Это же не тюрьма.

– Все испытания нам за что-то даются, все мы за грехи свои страдаем. Потому и спрашиваю: за что лежишь?

– Интересная постановка вопроса.

– В мире всё интересно. Я, признаться, не понимаю людей, которым жить скучно. Как это так? Тебе Бог жизнь дал, а ты время на ерунду тратишь – прозябание никчёмное, кляузы, споры да раздоры.

– Говорят, в споре рождается истина.

– Простите, но вы когда-нибудь встречали в жизни подтверждение этого постулата? В споре может родиться только свара. И чем яростнее спор, тем крепче драка. Истина рождается в тишине. Истина – это познание. А критерий познания, как известно, опыт.

– Вы говорите, как учёный.

– Учёный, не учёный, а если это факт, зачем спорить. Да и жизнь человеческая коротка, чтоб её тратить на споры. Представьте, я хочу доказать вам... нет. Мне кто-то хочет доказать, что я, извините, дурак. Я с этим соглашусь? Однозначно, нет. Мало найдётся людей, кои считают себя таковыми. Да и те, по секрету скажу вам – самые что ни на есть мудрецы. Значит, я не соглашусь. Но он-то точно уверен, оценивая мои поступки и высказывания, что я, скажем мягче, неумный человек. И что? Начнёт мне это доказывать? Чем тогда будет от меня отличаться? Ничем. Ещё и вопрос, кто из нас дурнее: я-то про него молчу, хотя, может, ещё за большего кретина принимаю. А не начни он спор? Разговорились бы, глядишь, нашли тему, где и я что-нибудь умное высказал. Как говорил Цицерон: если у меня есть яблоко, и у тебя есть яблоко, и мы ими обменяемся, у каждого так и останется по яблоку. Но если у тебя есть мысль, и у меня есть мысль, и мы ими обменяемся, у каждого будет по две мысли! Но, с вашего позволения, добавлю: об-ме-ня-ем-ся! Не спорить начнём, а обогатим друг друга божественной искрой, попавшей в наш мозг – мыслью. Так за что вы лежите?

– А вы за что?

– Вы, батенька, не из иудеев будете?

– Помилуйте, разве я похож на еврея?

– Отчего так оскорбились? Евреи – народ Книги, Богоизбранный. А предположил так, ибо вы ответили в их манере – вопросом на вопрос.

– Нет, в роду не наблюдалось.

– Я, знаете, на исповеди из людей признаний не вытягиваю, а сейчас и подавно – не хотите говорить, не стану допытываться... А я вот из-за сердца. Всё очень близко к нему принимаю.

– Вам похудеть не мешает. Сердцу, при таком весе, тяжело кровь гонять.

– Тут всенепременно соглашусь. Поверите, стараюсь изо всех сил, посты соблюдаю, сладкого почти не употребляю, пешком хожу много, но похудеть не могу. Так ведь и вес мой неспроста образовался. Вот вы задумывались, когда люди в церковь приходят?

– Когда просят что-нибудь.

– А когда просят?

– Когда чего-то не хватает.

– И когда же не хватает?

– Отец Иннокентий, вы со мной, как с первокурсником.

– Эх вы себя высоко цените. Я про себя грешного думаю – ещё и школу не окончил... В церковь люди ходят, в основном, когда им плохо. Когда хорошо, человек о Боге забывает,

что поделаться, так устроен. А вот когда плохо, когда надо прощение вымолить – тут в храм и побежали. Или когда нагрешил так, что без покаяния жить дальше не может! Не пускают грехи, в болезни преобразованные. А рассказать кому-то надо, носить в себе – сил нет! Вот тогда идут на исповедь. Чего я только за годы служения не наслушался, каких греховодников не повстречал, прости Господи... Но и сам грех имею – не могу избавиться от поведанных людьми страстей, держу их в себе, боясь выпустить, страшусь, что вновь в тех людей вселятся. Оттого и вид имею, словно бочка с квасом, что раньше на улицах стояли. Ношу в себе грехи людские, порой себя же и спрашивая – неужели это мой крест?

– Батюшка, вы носите крест в виде пуза?

Мастер батюшка паузу держать. Не всякий мхатовец с ним сравнится!

– ...Возможно, вы правы.

– У меня знакомый, отец Владимир. Знаете?

– Отчего нет. Знаю, конечно.

– Так он худой, как щепка. Почему? Или он не переживает? Значит, не искренна его вера?

– Все мы переживаем. За верующих и заблудших, надеясь, рано или поздно воссияет истина в их душах, но труда для этого положить придётся немало. И отец Владимир переживает. Но... Возьмём бегемота. Большой зверь? Да. А жирафа? Тоже большая, но длинная и стройная, в отличие от бегемота. Оба создания Божии, оба из одного «теста» сдела-

ны, однако приспособляемость к жизни – разная. И у каждого священника служение протекает по-своему. Верно одно – все мы проводники Божьи. Вот и отец Владимир худой, потому что сгорает плотью от грехов, ему поведенных. Изнутри сжигают они его...

Очень интересного собеседника подселил ко мне Нагиба! Не священник – Сократ: красть грешно? Да. А украсть оружие у врагов перед битвой? Надо уточнить – у друзей красть нехорошо, у врагов – можно. А украсть меч у больного друга, чтоб не покончил жизнь самоубийством от сильных болей? Надо уточнить. И так до бесконечности. А прав ли был Сократ? Действительно, зачем лишать человека возможности покончить с болью, если она невыносима?

– Отец Иннокентий, простите, вы не спите?

– Можно просто – батюшка. Не сплю, Николай Сергеевич, бодрствую.

– Тогда ответьте, пожалуйста, на такой вопрос, если сможете: церковь к милосердию призывает. А милосердно ли заставлять смертельно больных людей страдать, не давая возможности с миром уйти из жизни, запрещая эвтаназию?

– Тут и отвечать нечего. Странно, что вы сами не разобрались. Любая болезнь – не наказание, урок. Урок даётся, чтоб его выучили. Выучили и перешли в «следующий класс». Задали вам, положим, задачу по математике. Бились вы, би-

лись – ничего не получается. Бросили, пошли гулять. На-завтра что? Двойку получили. Надо опять решать. Но уже с плохим настроением: злость с упрямством появляются – зачем мне эта математика! Опять не решили. Теперь, поми-мо двойки, родитель за вас возьмётся, так сказать, наказа-ние последует. Но урок всё одно не выучен. Пока не решите, не поймёте – в следующий класс путь закрыт. И душа так же. Зачем сюда приходит? В школу. Учиться. И должна выучить заданные уроки. И как не позволить ей доучиться, «добра-дать», прервав урок? Вмешаться в замысел Божий? Навре-дить? Так ведь тела наши, по сравнению с душой, лишь «ко-стюмы» сменные. Взяли вы, к примеру, машину в прокат. Вам за ней следить надо, вернуть в полном порядке. Не дай Бог, разобьёте, платить придётся. То же и с телом, кое дадено нам «в прокат», и ухаживать за ним – наша прямая обязан-ность: в каком состоянии взял, в таком и верни! А если мыс-лями да делами своими вредим душе – нас на путь правиль-ный разными способами возвращают, чаще через болезнь и страдания.

– Тут я с вами, пожалуй, соглашусь. Но отчего есть люди, которым от их гадостей только лучше становится? Все видят и знают – мерзавец!

– Зачем вы так? Любой человек – создание Божие.

– Да? Как же быть с убийцами, преступниками? Но я сей-час не о них. Вас когда-нибудь предавали? Вижу, предавали. Простили? Даже если скажете «да», не поверю. В глубине ду-

ши всегда осадок останется. Не могут дети, став взрослыми, в гармонии жить, когда один другого по малолетству унижал и бил. Где здесь равенство – этот сильный, другой – слабый. Как же быть с теорией, что все люди рождаются равными, если один изначально появляется на свет с задатками холопа, а другой – господина? Но это ладно. Я о другом. Почему подлец не только не болеет, но и живёт припеваючи, а кому он сделал подло – переживает, болеет, терпит лишения и даже может умереть?

– Вы сами-то, Николай Сергеевич, как к другим людям относитесь?

– Батюшка, да вы сами, часом, не от Израилева колена родословную ведёте?

Такой искренний, жизнерадостный, с придыханиями «до слёз» смех Камаргин слышал один раз в жизни – в тот далёкий вечер от дяди Вани Колпакова. Не выдержав, присоединился. С того момента разговор их утратил натянутость, недосказанную осторожность друг к другу, превратившись в лёгкую, не обязывающую к ответственности за каждое произнесённое слово, интересную беседу.

– Насчёт вопросов ваших, я так думаю: по моему глубокому убеждению, на свете нет ничего морального и аморального по сути своей. Любое событие – нейтрально. Это люди классифицируют действия, мысли, поступки себе подобных на разные категории. Общество вынужденно было так орга-

низоваться, иначе бы выжили лишь сильнейшие. А сильнейший кто? Как в ГТО – кто быстрее, ловчее, сильнее. Как вы думаете, во что превратилась бы человеческая общность при таком раскладе?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.